

Дмитрий Богайчук, Марина Евдокимова, Юлия Пушкарёва

Сказки Ирия

Зеруи

Сказки Ирия

Томск
Ирий
2012

УДК 82-344
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я43
Б 73

Рецензент:
член Союза Писателей России
Мейко Т.

Богайчук Д., Евдокимова М., Пушкарёва Ю.
Б 73 Сказки Ирия / Д. Богайчук, М. Евдокимова,
Ю. Пушкарёва — Томск: Ирий, 2012. — 89 с.

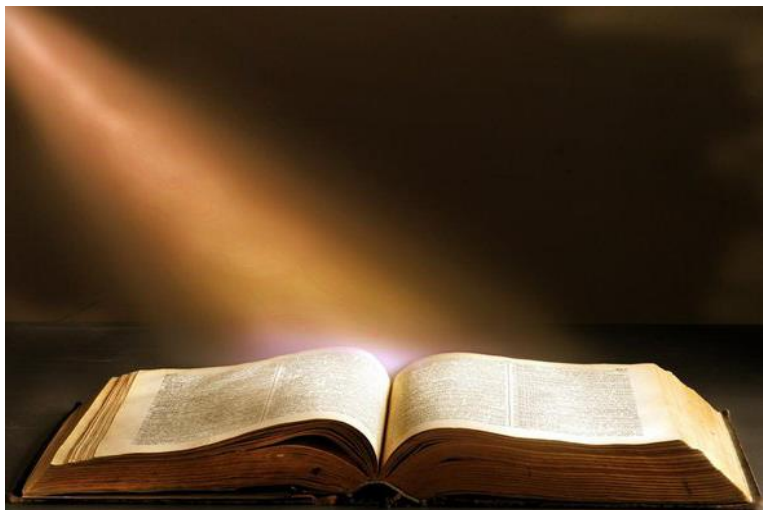
Мальчишки и девчонки, а также их родители
По сказкам прогуляться вы вместе не хотите ли?
Принцесса и дракон, синица и семь фей,
А также много новых магических друзей
В волшебной стране Ирий вас ждут и не дождутся,
В большое приключение зовут вас окунуться.

УДК 82-344
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я43

© Издательство «Ирий»,
корректурa, оформление,
издание, 2012

Юлия
Пушкарёва

ИСТОРИЯ СТАРОГО УЧЕБНИКА,

или Сказка о памяти

Если прийти в библиотеку ночью, то можно услышать много интересного. Например, рассказ старого учебника. Он устроится поудобнее на своей пыльной полке, зашелестит пожелтевшими страницами и — оживёт. Вы услышите его хриплый, усталый голос:

— Было время, когда меня уважали: не выдёргивали листы, не портили страницы надписями и рисунками... Не то, что теперь. Эх, было время... Помню день, когда меня опечатали на фабрике — день моего рождения. Тогда я был совсем новеньким, мои листы — белоснежными и шуршащими. Родился я очень далеко отсюда — в другом городе. Вместе с остальными книгами меня погрузили куда-то и отправили в маленький книжный магазин. Очень долго я пылился на

складе — всю весну и почти всё лето. Я спрашивал: «Почему?». Знающие книги отвечали, что я учебник, и поэтому меня купят только к сентябрю.

Я ждал этого дня. И вот он настал! Мой первый хозяин был прилежным и аккуратным. Он обращался со мной очень бережно и после учебного года сдал в школьную библиотеку.

Шли годы. Моими владельцами становились разные люди: некоторые относились с уважением, другие — трепали, рвали и вовсе не читали. Но я всё прощал. Моя жизнь доставляла мне радость, потому что в ней была цель — дарить людям свет знания.

Теперь я стар. Часто слышу разговоры о том, что жить мне осталось недолго. Но я не хочу покидать стен этой школы. Ведь она внесла и продолжает вносить частичку света и тепла в нашу жизнь — жизнь людей и учебников...

Так, слушая монолог старого учебника, вы можете провести всю ночь и даже не заметить того, как учебник замолчит, а солнце озарит землю первыми утренними лучами.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФЕИ НОЧИ, или Сказка о судьбе

Где-то, далеко-далеко, на другом конце бесконечной Вселенной, существует волшебная Зимняя страна. Там всегда стоит зима — прекрасная и самая настоящая, с пушистым и белым снегом. И главный праздник в той стране, конечно же, Новый год. Ни для кого не секрет, что именно в новогоднюю ночь происходят чудеса... И однажды в Зимней стране случилась история, которую и по сей день по праву считают чудом.

...Есть в той стране Синий лес — место древнее и тайное, наполненное загадками. Мало какой путник, кроме могущественного волшебника, рискнёт войти в этот лес и, тем более, — провести там ночь. Хотя лес, конечно, безумно красив. Многие отправлялись туда, чтобы исследовать это жуткое место, но никто не

вернулся назад. Множество разных слухов ходит о Синем лесе, и едва ли хотя бы четверть из них является правдой. Давайте же заглянем внутрь и увидим то, чего тысячу лет не видел никто в Зимней стране...

...В Синем лесу живут снежные феи — маленькие крылатые создания, питающиеся снежками в сиропе из лесных ягод, которые растут прямо на снегу. Под Новый год феи собираются все вместе на поляне в Синем лесу и водят хороводы перед самим Духом леса.

Эти крошечные создания на самом деле — самые древние в Зимней стране. Они могут творить чудеса, и именно они заманивают в лес неосторожных путников своим неземным пением. Зачарованные путники остаются в Синем лесу и становятся слугами бессмертных снежных фей. От снежных фей также зависит, придёт ли Новый год: ведь только посмотрев на их танцы при луне, Дух леса смилостивится над людьми и повернёт заснеженную планету. Естественно, что Дух окружил надёжной защитой и лес, и сокрытых в нём снежных фей — ему не хотелось, чтобы люди вырубали деревья или стали копать землю вокруг, прельстившись богатствами, скрытыми в её недрах.

...Так как феи бессмертны, их всегда было, есть, и будет семь: Фея Снегопада, или Белая фея; Фея Метели, или Серебряная фея; Фея Неба, или Лазурная фея; Фея Солнца, или Золотая фея; Фея Моря, или Синяя фея; Фея Зимних цветов, или Зелёная фея; Фея Ночи, или Чёрная фея. Во всех сказках чёрный цвет почему-то считают символом зла, но печальная Чёрная фея совсем не жестока. Подумайте только, ведь она отвечает за ночь и всю её красоту: за луну и звёзды, полупрозрачную мглу и свежесть ветерка... Эта фея очень важна, и остальные не могут обойтись без неё. Нужно помнить: чтобы пришёл Новый год, Дух Синего леса должен увидеть всех фей до

единой. Это старое правило не может быть нарушено. Выслушаем же поучительную историю, произошедшую в Зимней стране не так уж давно — на прошлый Новый год...

...Однажды Фея Ночи готовилась ко сну в своём лесном замке. Она сидела в своей комнате и расчёсывала длинные волосы. Вдруг в окно влетела Синяя птица — друг и советчик снежных фей.

— Мирелла, Мирелла! — зачирикала птица (Миреллой Фею Ночи называют только близкие друзья). — Дух леса зовёт тебя на священный танец!

— Прямо сейчас? — удивилась фея.

— Пришло время! Торопись, все остальные уже на месте! — с этими словами Синяя птица вылетела, чуть не врезавшись в витражное оконное стекло. Мирелла пожалала плечами и открыла шкаф, чтобы достать мантию для торжественных случаев. Но тут в то же самое окно влетел огромный ворон. В мгновение ока он подлетел к фее, схватил кулон, висевший у неё на шее, и скрылся. Фея, к сожалению, отреагировала слишком поздно. Она расправила крылья и полетела вслед за вороном, но вскоре потеряла его из виду.

— О нет! — вскричала Мирелла. — Цепочка, мой кулон! В нём заключено моё волшебство! Без него я не смогу танцевать перед Духом... Планета не повернётся, и Новый год не наступит! Что же делать?!

Мирелла полетела через Синий лес — к поляне, где уже собрались остальные феи.

— Почему ты так долго? — любопытствовала Зелёная фея Друни.

Фея Ночи ещё не успела ответить, как Синяя фея Шенн заметила, что на ней нет цепочки.

— Мирелла! Где твой кулон?! — воскликнула она.

— Его украли, — сказала фея, переведя дыхание, и рассказала о таинственном вороне.

— Пойдём к Духу леса и посоветуемся с ним, — предложила Белая фея Алере. — Боюсь, людям придётся подождать с наступлением Нового года...

Неожиданно на поляне появилось всевидящее око, через которое Дух леса общался со снежными феями.

— Начнём же празднество, о феи, я долго ждал этого момента! Мирелла, почему ты опоздала? Это так на тебя не похоже...

— О Дух, пропал мой кулон, — прошептала Чёрная фея, не зная, куда деться от стыда.

— Кулон?! — прогремел Дух. — Я не ослышался? Амулет магии фей? Амулет, от которого зависит жизнь Зимней страны? Амулет, который древнее этого леса, и тебя, фея, и этого мира — ПРОПАЛ? Амулет, который невозможно потерять?! Ты это хочешь сказать?

Едва не плачущая Мирелла смогла лишь кивнуть. Она думала, что лучше бы уж у неё забрали бессмертие, чем заставили испытать такой позор перед великим Духом. Но за неё вступилась Серебряная фея Зегира:

— О Дух, Мирелла не рассказала тебе всё — амулет магии был подлю у неё украден. Меня изумляет, что наши на месте, — в подтверждение своих слов Зегира дотронулась до собственного серебристого кулона.

— Украден?! Кем? Фея обязана защищать своё волшебство!

— Но всё произошло так быстро, — всхлипнула Мирелла. — Его сорвал с меня огромный чёрный ворон.

— Всего лишь птица? И ты не смогла догнать её?

— Мне показалось, что это не обычная птица, — покачала головой Чёрная фея. — Слишком уж продуманно он поступил...

— Как бы там ни было, ты должна найти его и вернуть свой амулет. Иначе нельзя, — проговорил Дух. — Куда направился ворон?

— На запад, к Воздушным горам... Но Дух, как я могу идти в людские селения?!

— А ты видишь иной выход, фея?

Мирелла задумалась.

— Не вижу, — тихо признала она.

— И я тоже. Ты полетишь за пределы Синего леса; я сделаю твои крылья невидимыми, чтобы они не испугали людей. Не возвращайся, пока не отыщешь кулон!

— Позволь мне полететь с ней! — воскликнула Зегира.

— Нет, — молвил Дух. — Мирелла допустила кражу — пусть она же и вернёт всё на свои места. Новый год не наступит, пока к ней не вернётся магия.

— Значит, я полечу совсем одна? — печально спросила Фея Ночи.

— С тобой отправится Синяя птица... Теперь ступай. Удачи, дитя леса!

...И Мирелла полетела к Воздушным горам. Эти горы — не самые высокие, но, пожалуй, самые живописные в Зимней стране — находятся к западу от Синего леса. Там находится много поселений людей, и самое крупное из них — город Эр, второй по величине город Зимней страны. Конечно, он уступает великолепной Стеллейне — столице страны, раскинувшейся по берегам Тёплого озера (кстати, реки и озёра в Зимней стране никогда не замерзают, потому что вода в них горячая даже в самые лютые морозы).

Чёрная фея долго летела сквозь облака на своих невидимых крыльях. Заметив вершины Воздушных гор, она спустилась и оказалась на горной тропе. На плечо Миреллы опустилась Синяя птица.

— Куда теперь? — важно осведомилась она.

— Наверное, надо найти людей и поспрашивать, не видели ли они исполинского чёрного ворона с украшением в клюве.

— Людей?

— Да, мы же где-то недалеко от деревни Мирф?..

— Мирф?! Мирелла, когда ты в последний раз была в этих краях?

— Ну... — Чёрная фея замялась. — Что-то около шестисот лет назад...

— Вот видишь! Отсутствие опыта — хуже незнания. Мы рядом с Эром!

— Эр... Такой большой город...

— Ты что, боишься?

— Если честно, да.

— Это люди должны остерегаться тебя, а не наоборот... А в Эре у нас больше шансов узнать что-то о вороне. Пошли!

Мирелла пожала плечами и стала взбираться по узкой заснеженной тропе, вскоре закончившейся широкой мощёной дорогой. Показались стены города. Когда фея приблизилась к воротам, дорогу ей преградил стражник, оглядевший её с головы до ног — должно быть нечасто ему доводилось видеть одиноко путешествующих юных девушек со странными синими птицами на плечах и в лёгких платьях...

У Миреллы вырвался вздох досады — и как она могла забыть о тёплой одежде?! Но ведь снежные феи не чувствуют ни жары, ни холода...

— Чего надо? — вежливо спросил стражник.

— Мне нужно в город.

— Кто такая? Я тебя раньше тут не видел. Подданство есть?

— Что?..

Стражник вздохнул.

— Всё ясно... Опять без документов. Ну сколько вас ещё там? Как канун Нового года — так и валят все сюда, будто других мест нет... Ладно, проходи. Но без регистрации — только в честь Нового года! Поняла? Фея радостно закивала и бросилась в ворота.

...В Эре удача Мирелле не улыбнулась. Она обегала почти все кварталы города — никто и слыхом не слыхивал о подозрительном вороне. Казалось, что практичные горожане вообще редко когда смотрят на небо.

Но один детина с ладонями, выпачканными глиной — видимо, гончар — посоветовал спросить совета у астронома, который жил на окраине Эра в башне-обсерватории и вёл круглосуточные наблюдения за небесами. Чёрная фея отправилась туда.

Оказалось, что взойти на вершину этой башни, не имея возможности полететь, не так уж и просто. Мирелла насчитала примерно триста ступенек, а после сбилась со счёта.

Наконец, лестница закончилась, и фея вошла в узкий коридорчик. Там было две двери, одна из которых вела на смотровую площадку.

Как она и ожидала, на площадке в подзорную трубу смотрел седобородый старец в мантии, вышитой звёздами. Он бормотал что-то насчёт угла расположения солнца и скорости передвижений птиц.

Услышав слова о птицах, фея приободрилась.

— Извините, — сказала она, подходя ближе.

Астроном не отреагировал.

— Я хотела спросить...

Молчание. Мирелла выпалила:

— Вы не видели огромного чёрного ворона с кулоном в клюве?

— Кхе-кхе... Ворона? Знаете ли, дамочка, здесь пролетает немало воронов... Ах, с кулоном?

— Да, и очень большой...

— Кулон?

— Да нет же, ворон!

— Ах, ворон... Кхе-кхе... Возможно, пару часов назад я и видел нечто подобное... А может быть и нет. Надо заглянуть в мои записи.

Мирелла поняла, что уйдёт с этой площадки нескоро. Тут астроном обернулся. Его взгляд оказался неожиданно цепким — фея даже вздрогнула.

— А кстати, почему же это так Вас интересует, а? И что это за птичка на Вашем плече? Уж не легендарная ли Синяя птица из Запретного леса?

До сих пор Мирелла не знала, что люди стали называть Синий лес — Запретным. Она мысленно взмолилась, чтобы Синяя птица не выдала её...

— Вы шутите! — улынулась она. — Я купила эту птицу в прошлом году на ярмарке в Стеллейне. А Синей птицы... не существует.

Птица гневно возрилась на фею, но та лишь приложила палец к губам. Астроном как-то странно улыбнулся.

— Не существует... Конечно же, не существует — что это я... Ворон, говорите? Сейчас проверю...

Он полистал свою толстую записную книжку.

— Вот! — раздался ликующий возглас. — Нашёл! Чёрный ворон со странным блестящим предметом в клюве. Он пролетал над этой башней около шести часов назад.

— Шесть часов... А в каком направлении?

— На запад, — и снова губы старика тронула усмешка. — дальше на Запад.

— Спасибо, — сказала Мирелла и повернулась, чтобы уйти.

— С наступающим Новым годом, — вдруг проговорил астроном.

Даже когда Мирелла уже ушла из Эра, её всё ещё не покинула тревога, вызванная этой фразой.

...Как бы там ни было, Чёрная фея снова полетела на запад.

Она обгоняла ветер, свистевший в ушах, и ни на миг не останавливалась. Мирелле нужно было одно — настигнуть загадочного ворона, забрать свой амулет и обеспечить Зимней стране наступление Нового года.

И вот, после нескольких часов утомительной погони фея, наконец, заметила чёрную точку, мелькнувшую левее и ниже. Только Мирелла начала догонять ворона, как перед её лицом пронёсся ярко-синий вихрь. Это была Синяя птица. Она напала на ворона, отобрала у него кулон и вцепилась в перья, заставив сесть на землю. Мирелла, недолго думая, полетела следом. Они оказались на Пустоши, большой незаселённой равнине на западной стороне Воздушных гор.

Прежде чем Мирелла догнала их, ворон успел поранить Синюю птицу, но та успела перебросить фее её кулон. Фея Ночи надела его, не веря своей удаче, и направила волну исцеляющей магии на Синюю птицу, а потом обездвигила ворона. Ей хотелось получить ответы на свои вопросы.

— Карр! Отпусти с мирром, — прокаркал ворон.

— Сначала ответ на мои вопросы, — нахмурилась Мирелла. — Зачем ты украл мой кулон?

— Пррриказ.

— Чей?

— Моего господина.

— Кто твой господин?

— Ох, не погуби, милостивая фея! Я всё скажу!..
Господин мой хочет власти над Синим лесом!

— А значит — и над людьми, не так ли?

— Всё верррно...

— Но кто он? Как его зовут?

— Не знаю... Слово Аграхима, не знаю!

— И почему именно мой амулет?..

— Господин мой добьётся власти через магию снежных фей. Сначала он желал выкрасть сразу все амулеты, но после рррешил, что лучше взять один твой, фея. Ккарр!.. Он особый. В нём больше волшебства, чем в остальных, вместе взятых!

— Что ты говоришь, Аграхим? Амулеты семи снежных фей равны и вместе — единое целое!

— О да... но только шести фей. Седьмой — соверрррршенно ддррругое... Ккарррр! Твой амулет — ошибка. Ты сама — ошибка. Дух леса создавал шесть фей, но что-то пошло не так, и в мир пришла седьмая — ты, Фея Ночи. И амулет твой обладает силой, способной поработить все остальные и уничтожить самого Духа. Потому он столько веков и скрывал от тебя правду! Но мой господин вычислил это... Ккаррр!!

Мирелла вспыхнула.

— Твой хозяин — безумец! Так и передай ему! Дух леса никогда и ничего от меня не скрывал! Я — снежная фея, и служу ему много веков, я...

Она осеклась, встретив взгляд Синей птицы.

— Неужели... это правда? — прошептала фея.

— Увы, да, — ответила птица. — Никто из фей об этом не знает. Только сам Дух и я... Потому что лишь меня он создал ещё раньше.

Мирелла вздохнула и сжала в кулачке свой амулет. Неожиданное известие потрясло её.

— Это ничего не меняет, — сказала фея. — Мы просто обязаны остановить хозяина Аграхима. А ты полетишь с нами, — сказала она ворону

— Нет! — каркнул ворон. — Выступать против хозяина? Ккаррр! Пощади, великая!

— Просто покажи нам дорогу. Где сейчас твой господин?

— На Пррррозрррачном остррррове! Там его лаборррратория!

— Полетели же скорее!

— Но, Мирелла, — робко вмешалась Синяя птица, — может быть, нам лучше сначала предупредить Духа и фей? Или хотя бы короля в Стеллейне?..

— Нет, надо застать врага врасплох! Раз мой амулет такой могущественный, пора его испытать.

— Хорррошо! За мной!

Полёт длился долго, но вот, наконец, показался Прозрачный остров — крошечный кусочек земли в Глубинном море. К удивлению Миреллы, на острове ничего не было, кроме старого покосившегося домика и маленького болота.

— Это и есть резиденция твоего хозяина? — спросила она у Аграхима.

— Не рррезиденция, а лаборррратория! Там он прррводит свои экспеерррименты! Ккаррр! Бывший хозяин говорит, что эта лачужка для него важнее всех дворцов Стеллейны!

И тут ворон, взглянув на хижину своего безымянного господина, стал молить:

— Отпусти, о милостивая фея! Ты обещала отпустить Агрррахима!

Но Мирелле не удалось исполнить его просьбу, потому что дверь неожиданно отворилась, и вышел... тот самый старик-астроном, с которым она говорила в Эре!

От изумления Мирелла не смогла вымолвить ни слова, зато колдун сразу обратил колючий взор на задрожавшего ворона.

— А, Аграхим! Лживый предатель! Ты привёл сюда одного из моих злейших врагов, привёл, не предупредив меня!.. Почему амулет на шее у девчонки? Почему Синяя птица жива и здорова? Почему Дух леса до сих пор существует?! Всё так удачно сложилось в Эре, когда мой фантом направил их за тобой — я надеялся, что ты уничтожишь их с её амулетом, а ты даже не сумел воспользоваться им, безмозглый ворон! Скачи же бородавчатой жабой до конца дней своих!..

— Нет, господин мой! Помилуйте!.. Я... я... Ккаррр! Ккуа! Ккуа! Ккуа!..

И в тот же миг ворон исчез, а к болотцу поскакала уродливая бессловесная жаба.

Мирелла вспыхнула от гнева и обиды, во-первых, за Аграхима, а во-вторых, за то, что её, древнюю снежную фею, хранительницу Зимней страны, назвали «девчонкой»...

— Остановись, колдун! Ты не будешь властвовать над Синим лесом!

— Отдай амулет! — рука астронома потянулась к кулону. Но подлетела верная Синяя птица и больно клюнула колдуна. Тот вскрикнул от боли и выпустил огненный шар. Завязался поединок. Силы были равны, но Фея Ночи сражалась за Добро, и потому победа была на её стороне.

— Ну что, гроза Зимней страны? Попрыгаешь на болоте? — усмехнулась Мирелла, и мнимого астронома постигла та же участь, что и ворона Аграхима. Пока он, недоумённо квакая, искал новое место для жилья, фея с Синей птицей уже летели домой.

Через несколько дней после Нового года Фею Ночи Миреллу принимал у себя король Зимней страны.

Уверенно ступая босыми ногами по зеркальному полу. Она подошла к королевскому трону, но не поклонилась, как было положено людям, а только кивнула. Мирелла больше не скрывала свои крылья, одеяние и волшебный амулет. На её правом плече сидела Синяя птица, а на левом — исцелённый от заклятия ворон Аграхим.

— Приветствую тебя, о всемогущая снежная фея, — тихо проговорил владыка Зимней страны.

— Привет тебе, Величество.

— Благодарю тебя за то, что спасла нас от сумасшедшего колдуна. Он доставлял нам немало хлопот. Я опасался, что в своих экспериментах он зайдёт слишком далеко. Спасибо.

— Снежные феи всегда хранили этот мир, и я здесь для того, чтобы подтвердить это. Своими истинными именами мы клянёмся хранить мир в Зимней стране, не скрываясь от людей, охранять их покой и светлый Новый Год!..

Лучи восходящего солнца, как никогда ярко светившего за окном, озарили новую эпоху.

ЧУДО-ШАРИК,

или Сказка о детстве

Жила-была в обыкновенном городе обыкновенная семья. Они встречали Новый год точно так же, как другие люди нашей планеты, и, разумеется, иногда покупали ёлочные игрушки.

«Куда это я попал?» — удивлённо подумал Шарик, увидев радостное лицо незнакомой девочки. — Какой красивый! Просто чудо! — восторженно захлопала в ладоши она.

«Я — Чудо?», — удивился Шарик, но, увидев своё отражение в оконном стекле, обрадовался. Так и есть — он был синевато-белым и похожим на маленькую луну. — А и правда ничего, — вполголоса одобрил он, — и, судя по всему, меня наконец-то купили!

Шарик стал с любопытством оглядываться по сторонам — ведь он так давно мечтал об этом дне, о том, как освободится от пыльных магазинных полок... Ему не терпелось показать себя.

Девочка, пританцовывая, потянула его за ниточку и понесла к Ёлке. Шарик ахнул.

— Так вот она какая... Моя Ёлка...

Она стояла огромная, зелёная и пушистая, сверкая всяческими невозможными сокровищами. От восхищения Шарик даже подпрыгнул на своей ниточке — хорошо, что девочка не заметила.

— Будешь висеть тут, — наказала она, выбрав свободную ёлочную лапу. И Шарик принялся разглядывать соседей. Все они были прекрасны, но молчаливы и задумчивы.

«Надо бы с ними познакомиться», — решил Шарик и обратился к ближайшему соседу — пластмассовому Снеговика.

— Здравствуйте!

Снеговичок не ответил.

— Меня зовут Шарик, и я — Чудо! А Вы кто?

— Снеговик. Неужели так не видно?

— Видно, конечно, я просто хотел уточнить... А Вы давно здесь живёте?

— Больше десятка Новых годов... Не лезь ко мне, шар!

Шарик очень обиделся на такую грубость, но не подал виду.

— Почему же не лезть? Я хочу с Вами поговорить! И вообще, я — Чудо!

Снеговик усмехнулся.

— Да никакое ты не Чудо, — проворчал он, — а обычный шар, каких здесь — десятки!.. И оставь меня в покое, ради Деда Мороза!

Шарик обиделся окончательно, но плакать не стал, а просто отвернулся от нахала. «Да на что он мне сдался, этот ворчун с морковкой вместо носа? Найду себе других друзей», — подумал он.

— Или лучше тут? — словно что-то почувствовав, вспомнила о Шарике девочка, и перевесила его повыше.

— Ай! — возмущённо вскрикнул кто-то. Шарик увидел мерцающий Фонарик-на-Гирлянде.

— Простите, — смущённо пробормотал он, отодвигаясь. — Я случайно... Вы так красивы.

— Благодарю, — чопорно ответил Фонарик. — Но будьте так любезны, оставьте эту лапу и ступайте на свою. Вас сюда не звали.

«Да что же это такое?! Только пришёл, а меня уже заранее никто не любит, кроме девочки», — удручённо подумал Шарик, но не оставил попыток завязать знакомство.

— А как Ваше имя?

— Фонарик, как изволите видеть.

— Очень приятно, а я — Шарик, Чудо.

— Чудо?! — Фонарик хмыкнул. — Ну, юноша, у Вас и амбиции... Чудес не бывает, Вы просто шар. А сейчас прошу простить меня.

В совершенно расстроенных чувствах Шарик посмотрел наверх и увидел Звезду. Никто его не признавал, никто не верил, что он Чудо... быть может, хоть Она поймёт его...

Он чуть не плакал, но как добраться до золотой и сияющей Звезды не знал. На помощь ему снова пришла девочка.

— Ты так похож на Луну, Шарик... Мне кажется, я знаю, где твоё место, — сказала она и перевесила его к Звезде.

«Ну, если и красавица-Звезда не примет меня, мне впору разбиться», — отчаянно сказал себе Шарик и обратился к Звезде.

— Звезда, я — Чудо! Понимаете — Чудо!..

— Конечно, ты — бесценное Чудо, — отозвалась Звезда. — Потому что ты — ребёнок.

ХУДОЖНИК И КИСТЬ,

или Сказка о творчестве

Как известно, кисть — одна из вещей, которой обязательно должен обладать любой художник. Но иногда вещи перестают быть вещами и становятся чем-то большим... К сожалению, люди не всегда осознают это.

Наш рассказ — о Художнике, жившем в маленьком городе маленькой страны очень давно, века два назад, а то и ещё раньше. Жил он одиноко и бедно. Одиноко — потому что вырос в сиротском приюте, и не было у него ни семьи, ни близких друзей, ни возлюбленной; а бедно — потому что мало кто покупал его работы, а если и покупал, то не давал много денег. У него была одна старая, но верная Кисть, которую он купил несколько лет назад и с тех пор не расставался. Но любому понятно, что настоящий художник не может обходиться одной-единственной кисточкой. Возможно, потому никто и не признавал его талант. Неизменно

восхищалась его набросками и картинами только старушка, в доме которой он снимал комнату, но и она за это не собиралась брать с него плату меньше.

Впрочем, Кисть была вполне довольна такой жизнью и не хотела иной. Она обожала Художника и его работу, необычайно легко ложилась к нему в ладонь и выводила каждый мазок с любовью.

Но однажды всё изменилось.

В тот день всё выглядело как обычно: Художник сидел за работой внизу, в гостиной — он рисовал эскиз карандашом, Кисть отдыхала, греясь на солнышке у окна, а старушка вязала в углу. И тут в дверь постучали. Старушка бросилась открывать.

— Здравствуйте, — любезно сказал вошедший — высокий мужчина в шляпе, скрывавшей лицо. — Я слышал, что здесь есть художник.

— Я к Вашим услугам, — отозвался Художник, кланяясь.

— Я хотел бы заказать портрет... — тут человек взглянул на набросок Художника, осёкся и подошёл ближе. — О Боже... Давно не видел такого... Какая гармония! Какая соразмерность! Друг мой, это превосходно!..

— Да что Вы... — смущённо проговорил Художник. — Это ведь только черновик...

— Тем более! Покажите мне скорее остальные работы!.. Дорогой мой, это невероятно! Клянусь, я сделаю Вас знаменитым!

...Вот с этого момента всё и стало не так, как раньше.

На Художника посыпались разнообразнейшие заказы; он теперь почти не отрывался от работы. Вместе с Кистью Художник переехал в отдельный дом, потом стал покупать дорогие костюмы, нанял слуг и экипаж... Кисть его не узнавала; хозяин почти забыл о ней —

множество других кистей лежало теперь у его палитры, чужих и незнакомых. Сначала она гордилась им, а потом насторожилась. Тот странный человек в шляпе заходил почти каждый день, они с Художником стали хорошими друзьями. Вообще, у него завелось множество новых друзей — и чем больше становилось денег, тем чаще они навещали его.

А вот работы Художника перестали восхищать Кисть. Какое-то время она не хотела признаваться себе в этом, но потом пришлось: он по-прежнему рисовал умело, но только по заказам. Картины и наброски стали похожими, как капли дождя; линии и лица омертвели.

«Как жаль, что он не слышит меня! — сокрушалась Кисть временами. — Всё — вина того человека в шляпе!.. Подумать только, ведь если так пойдёт и дальше, хозяин вообще перестанет быть Художником... Надо что-то делать».

И в её пушистой голове созрел план.

Однажды вечером, когда Художник принимал у себя Человека-в-Шляпе и ещё нескольких приятелей, Кисть потихоньку вылезла из ящичка и перебралась на комод за спиной одного из гостей.

— Ваш последний портрет прекрасен, друг мой, — обращался к Художнику Человек-в-Шляпе.

— Вы о «Даме в лиловом»?

— Да, именно о ней... И я даже подозреваю, с кого Вы это писали...

Художник смутился, но Человек-в-Шляпе не дал ему ответить. Кисть осторожно слезла с комода на пол.

— Да-да, мой дорогой друг, — промурлыкал человек. — Я всё понимаю. Вы молоды... Но, надеюсь, Вы понимаете, сколько золота необходимо выложить, чтобы заслужить благосклонность этой особы — не надо ухмыляться, господа, вы не догадываетесь, о ком я...

Послышались смешки, и Художник покраснел. Негодующая Кисть бесшумно подползла к ноге Человека-в-Шляпе.

— Посему, — неспешно продолжал он, — я полагаю, что имею право дать Вам в долг некоторую сумму, — он небрежно положил на стол звякнувший кошель. — Не сомневаюсь, Вы вернёте в ближайшем будущем.

— Вы мой благодетель, — благодарно выдохнул Художник.

«Деньги, снова деньги! — с отвращением подумала Кисть. — Они и губят его!»

Она решила, что ждать больше нельзя — нужно как-то показать Художнику, что она не одобряет его жизни и не доверяет Человеку-в-Шляпе. Кисть приблизилась к его ботинку и стукнула как можно сильнее. Человек ойкнул.

— Что за чертовщина! — воскликнул он. — Вы храните кисти на полу?!

— О, это совсем старая кисть. Не представляю, как она там оказалась, — беспечно сказал Художник. — Она уже никуда не годится, я как раз собирался её выбросить...

— Что?! Выбросить меня? Нет, прошу тебя, не делай этого!.. — вскрикнула Кисть, но её никто не услышал... Минуту спустя она оказалась в мусорном ящике.

...И начались её странствия по городку. Точнее, странствий почти и не получилось. Утром пришёл дворник, и кисть вместе с остальным мусором отвезли на свалку, которую окружал высокий забор, и Кисть не смогла бы выбраться, даже если бы постаралась.

Через пару дней (Кисти они показались веками), к ней тихо подобралась старая Палитра.

— Меня тоже выкинул хозяин, — грустно сказала она. — Но не расстраивайся. Здесь можно жить, со временем привыкаешь.

— Я знаю, — вздохнула Кисть. — Но мне бы только хотелось хоть изредка узнавать, как там мой Художник...

— Это же легко! — воскликнула Палитра. — Тут есть человек, который нас слышит.

— Человек, который слышит?! — изумлённо переспросила Кисть. — Как же так? И кто это?

— Один из дворников. Люди считают его сумасшедшим, но на самом деле он просто понимает нас.

— Он выходит за забор?

— Конечно, он и живёт в городке. Я попрошу его, и он будет приносить тебе новости о твоём Художнике.

— Большое тебе спасибо!..

От странного дворника Кисть вскоре узнала, что Художник женился на той женщине, с которой написал «Даму в лиловом». Она радовалась за бывшего хозяина, но недолго.

Слухи становились всё хуже и хуже. Говорили, что Художник по уши в долгах. Особенно перед тем Человеком-в-Шляпе, а денег у него всё меньше. Городок нашёл себе нового героя — говорили, что он более талантлив, и ещё говорили, что и его «вытягивает из нищеты» Человек-в-Шляпе. Работы Художника многие называли безвкусицей, они уже почти никого не впечатляли.

Через пару месяцев жена бросила его, а мнимые друзья оставили. Из-за долгов ему пришлось распродать большую часть имущества и переехать в лачужку — ещё более жалкую, чем ту, где он жил раньше...

Вестей о хозяине не было несколько недель — дворник почему-то отмалчивался. Кисть смотрела на забор и мечтала только об одном — выбраться. Много раз она просила дворника отнести её к Художнику, но тот лишь отмахивался и говорил, что не положено выносить мусор со свалки.

Тогда она решила действовать самостоятельно. Незаметно забралась в сапог дворника и выпрыгнула, когда он проходил мимо квартала, где жил Художник.

Ликующая Кисть уже попрыгала к воротам, как её схватила чья-то рука.

— Вот ты где, — просипел дворник. — То-то я думал, что-то в сапог попало... Говорил же, не положено покидать свалку!

— Я на минутку, — попыталась уговорить его Кисть. — Только посмотри как он, и сразу вернусь!

— Ну, сама вынуждаешь, — пробормотал дворник, вздохнув, и сунул Кисть в карман. — Значит, сказать тебе?..

Кисть встревожилась.

— Конечно, говори.

— Не живёт тут твой Художник. Умер он недели две назад.

Кисти стало холодно — даже в тёплом кармане.

— А... отчего? Он болел?

— Я-то не знаю, но говорят, что он оставил предсмертное письмо... Что-то том, что больше нет вдохновения... И что он не может жить без того, что потерял... Эй, что с тобой?!

Ничего особенного с Кистью не случилось. Она просто разломилась на две половинки.

Так заканчивается эта печальная сказка о Художнике и его Кисти.

БУКЕТ ДЛЯ ПРИНЦЕССЫ,

или Сказка о гордости

Далеко-далеко, давным-давно жили-были король и королева. И родилась у них, как водится, дочь — принцесса Алусиента (впрочем, чаще её звали просто Люси). В детстве она была обыкновенным милым ребёнком, смышлёным и смешливым, но выросла — и преобразилась. Она превратилась в настоящую красавицу. Все до единого поэты, трубадуры и менестрели прославляли её лазурные глаза, золотые локоны, грацию и изящество манер. Но вот характер у принцессы весьма испортился — она стала холодной и заносчивой. Даже родители теперь не узнавали её. Множество принцев, князей, герцогов сваталось к ней, но Алусиента всех отвергала.

А тем временем в соседнем королевстве жил безнадежно влюблённый в Люси принц Чарльз. Он видел

принцессу всего раз в жизни, но с тех пор её образ не покидал его. В конце концов и он решил попытаться счастья.

— Не стоит, Чарли, — уговаривал принца отец-король. — Она, конечно, красивая девушка, но говорят — капризна и ужасная гордячка. Да и королевство у неё в приданом небольшое. Подумай, нужна ли тебе такая жена?

— Нужна, — отвечал принц. — Я уверен, что всё это просто глупые слухи. Такое прелестное создание, как Алусиента, не может плохо ладить с людьми.

— Ну что ж, — вздохнул король. — Вижу, тебя не отговорить, Чарли. Раз так, сходи в наш сад — ты же знаешь, он славится на весь мир своими удивительными цветами — и выбери для неё самые лучшие. Возможно, это поможет завоевать сердце принцессы.

Принц поблагодарил отца за совет и пошёл в сад. Подумав немного, он нарвал Алусиенте белых роз.

— Роза — красивейший цветок из всех, — рассудил Чарльз. — А белый цвет подчеркнёт чистоту и юность Алусиенты.

И пустился принц в путь. Долго ли, коротко ли ехал он — и вот, наконец, добрался до королевства, где жила Алусиента, и преподнёс букет прекрасной принцессе. Чарльз сразу же понравился Люси, но внешне она осталась совершенно равнодушной.

— Я не люблю белые розы, — высокомерно сказала она, возвращая букет. — Этот букет слишком однообразен. Привезите мне другой, и тогда я, может быть, выйду за Вас замуж.

И печальный, но полный решимости принц вернулся на родину. Там он нанял лучшего цветочника в королевстве и с его помощью собрал огромный и великолепный букет из всех цветов, что только были в

саду — лишь бы он не показался Люси скучным. Там были и розы, и фиалки, и бегонии, и тюльпаны, и другие творения природы. Чарльз думал, что на этот раз Алусиента просто не сможет отказать ему — ведь он привёз то, что она просила. Но и тогда принцесса отвергла его подарок.

— Чересчур пёстро, — заметила она. — И сделано без вкуса. Привезите мне букет проще этого и заметнее предыдущего.

Принц был обижен, но не подал виду. Он вернулся и заплатил всем знаменитым цветочникам окрестных королевств. Вместе они собрали строгий, но яркий букет из небывалых пурпурных лилий и скромных белоснежных ландышей. Но и тут Алусиента не приняла цветы.

— Букет красив, но не подходит мне. Я хочу, чтобы мой будущий супруг понимал меня. Составьте такой, который отражал бы мою сущность...

И Чарльз снова поехал домой ни с чем.

Другого эти капризы давно бы подкосили, но только не наследного принца.

Ещё целых семь раз Чарльз ездил к Алусиенте с цветами, и постоянно гордую принцессу что-нибудь не устраивало. И вот наступила зима, сад замело снегом, и последние цветы пропали. Тогда отчаявшийся Чарльз поехал к принцессе, решив для себя, что это будет последний раз.

— Ваше высочество, если сегодня Вы не примете мой дар, — сказал он ей, — Вы никогда в жизни больше не увидите меня.

Люси встревожилась. Она уже полюбила принца, но не признавалась в этом даже самой себе.

— Мне странно видеть Вас и сейчас, принц — ведь цветы уже завяли... Но покажите же мне, что Вы привезли.

Чарльз дал знак слугам, и они внесли небольшой ящичек. Когда его открыли, принц бережно достал оттуда ледяной цветок — ящик сохранял холод, чтобы цветок не растаял.

— Я сделал это своими руками, принцесса. Он так же холоден и так же одинок, как Ваше сердце, но так же легко способен растаять от человеческого тепла. Именно так я понимаю Вас. Если я не прав, прогоните меня — и больше я не вернусь, и буду жить в вечном горе, ибо жизнь без Вас мне не в радость.

Тогда из глаз Алусиенты — впервые за многие годы — покатались слёзы. Она взяла цветок, и он растаял у неё в руке.

После этого принцесса забыла свою гордыню. Чарльз и Люси поженились и жили так долго и так счастливо, что об их правлении сложили песни.

**Марина
ЕВДОКИМОВА**

Кэти и Миттен

Кэти жарит рыбу в кляре. Миттен сидит рядом, требовательно бьёт хвостом и мяукает — погромче, чтобы заглушить шипение сковороды.

— Даже не проси, — строго говорит Кэти. — Ты полчаса назад съела полбанки корма, куда тебе ещё и рыбу?

Фыркнув, Миттен запрыгивает в приоткрытый буфет и ударом лапки сбивает с полки банку тушенки; банка катится по полу и останавливается, наткнувшись на пушистые тапочки Кэти.

Кэти смеётся и кидает в миску Миттен несколько ещё сырых кусочков рыбы.

Ох уж эти люди, думает Миттен, придирчиво обнюхивая подношение. Ох уж эти их двойные стандарты...

Кэти с утра всё никак не встает с постели — лежит, накрывшись одеялом с головой, и только изредка

переворачивается с боку на бок. Миттен выпускает коготки и царапает высунувшуюся из-под одеяла пятку, раз, другой. Кэти сдергивает одеяло с головы и громко, хрипло кашляет.

— У меня температура тридцать девять, — говорит она сипло и укоризненно. — Ты мне даже умереть спокойно не дашь? Честное слово...

Миттен терпеливо ждёт, не сводя с хозяйки взгляда. Бормоча себе под нос что-то неразборчивое, Кэти слезает с кровати и бредет на кухню; а там, пока Миттен поглощает свои консервы, хозяйка заваривает себе горячий чай и достает из холодильника банку малинового варенья.

— Сам о себе не позаботишься — никто не позаботится, — заключает она печально, прихлебывая чай и поджимая под себя замерзшие босые ноги.

Миттен снисходительно фыркает, не отрываясь от позднего завтрака.

За окном — сугробы и ветер; а батареи отключили. Миттен бродит по дому, встопорщив шерстку, ищет место где прилечь, чтобы не было сквозняка, и ждёт Кэти, которая, проснувшись утром от холода раньше обычного, долго ругалась, а потом пошла на работу, пообещав Миттен вечером разобраться с безобразием.

Уже стемнело, а Кэти всё нет. Миттен трогает батарею — лёд! — поджимает лапку, вспрыгивает на кровать, сворачивается клубочком у подушки, забравшись под аккуратно расстеленное покрывало. Хлопает дверь. Слышно, как Кэти скидывает ботинки и куртку, шуршит пакетами из супермаркета, а потом проходит в спальню.

— Опять! — возмущается она, заметив Миттен. — Вся простыня будет в твоей шерсти...

Миттен зевает, не слушая.

Шерсть шерстью, а вот местечко на холодной кровати нагрелось как раз к приходу Кэти.

Миттен вспрыгивает на стол, проходится по белым бумажкам, испещренным черными буквами. Бумажки смешно шуршат, гордо задранный хвост проезжает по подбородку Кэти — Миттен довольна.

— Прекрати! — Кэти убирает шариковую ручку из-под любопытных лапок и носа и опускает кошку на пол. — Мне надо работать, Миттен.

Миттен ждёт полминуты и вспрыгивает снова.

На пятый раз Кэти откидывается на спинку стула и вздыхает.

— Чем бы тебя занять?

Взгляд Кэти падает на телевизор. Миттен одобрительно мяукает.

На экране Хосе Хулио и донья Исидора держатся за руки и прощаются навек — донью Исидору заставляют выйти замуж за старого и некрасивого дона Педро. Миттен внимательно следит за происходящим и одновременно думает: как же сложно дрессировать этих бестолковых людей. Возможно, через неделю, когда будет следующая серия, Кэти пораньше поймёт, что же от неё требуется?...

Кэти моет окно, стоя на коленях на широком подоконнике; снаружи шумят машины, звенит капель. Миттен вспрыгивает на подоконник, обнюхивает яркосинее пластмассовое ведро — оттуда в нос ударяет

запахом мыла. Миттен недовольно фыркает и чихает; Кэти смеётся.

— Любопытство кошек никогда до добра не доводило, так и знай, — Кэти тыльной стороной ладони откидывает со лба непослушную прядь волос.

Миттен неодобрительно косится на Кэти и подходит ближе к раме.

Оказывается, тут так высоко, что захватывает дух; Миттен, испуганно мявкнув, прячется за надёжную и привычную Кэти.

— Страшно? — спрашивает Кэти, опуская руку с мыльной губкой. — А я туда каждый день хожу.

Тоже мне, пример для подражания, думает Миттен.

Ходишь-ходишь, а возвращаешься всегда домой. Ко мне.

Миттен никогда не скучает в одиночестве. Вот и сейчас, когда Кэти, накрашенная и пахнущая духами, под вечер куда-то упорхнула, Миттен мирно дремлет на диване и жалеет только о том, что некому включить капризный телевизор. Ничего, можно будет поднять Кэти завтра в шесть утра, когда эту серию «Любви по-испански» будут повторять.

Миттен будят голоса и смех у дверей. Минут двадцать она слушает это, недовольно взмахивая хвостом, а потом дверь хлопает, и Кэти, всё ещё смеясь, заходит в прихожую.

— Ох, Миттен, какой был замечательный вечер... Миттен? Эй, Миттен, где ты?

Кэти включает свет в гостиной; завидев Миттен на диване, садится рядом и пытается погладить.

— Ты что, всё время так и проспала?

Миттен, недовольно мявкнув, выворачивается из-под рук, подальше от резкого запаха вина и чужого человека, и забирается туда, где Кэти никогда не сможет её достать, даже с помощью табуретки и швабры — на книжный шкаф.

— Миттен! — укоризненно говорит Кэти.

Миттен сворачивается клубочком в тонком слое пыли, скопившейся на шкафу, и сладко зевает.

Чтобы выманить оттуда обиженную невниманием кошку, Кэти придётся потратить не меньше полпакетика вкусных витаминок и целое море ласковых слов, на которые она обычно не очень-то щедра.

За развлечения, как-никак, нужно платить, уверена Миттен, особенно если кто-то из-за этих развлечений весь вечер просидел один в пустой тёмной квартире.

Кэти красит ресницы, сосредоточенно щурясь в ручное зеркальце; от зеркальца солнечные зайчики прыгают по стене, и Миттен охотится за ними. Когти царапают по обоям — куски бумаги с треском отдираются и свисают, и их так забавно теревить.

— Миттен! Ты с ума сошла! — Кэти, забыв про ресницы, отбрасывает зеркало; зайчики стремительно убегают на потолок, и Миттен недовольно фыркает. — Это обои стоили мне три зарплаты!

Кэти укоризненно смотрит на Миттен и горестно — на обои. Миттен, зевнув, укладывается на диван спиной к Кэти. После охоты полагается отдохнуть, разве нет?

— Ну и что мне теперь делать? — Кэти с треском отдирает висящий кусок обоев.

Миттен сворачивается клубком. Нелогично — Кэти говорит, что рвать обои нельзя, и сама рвёт.

Наверное, ей это тоже нравится, только она не признаётся.

Миттен зевает и даже не возражает, когда Кэти, выругавшись себе под нос, накрывает её куском обоев — под бумагой тепло.

— Хотя сюда и так давно было пора повесить какую-нибудь картину, — слышит Миттен сквозь дрему и снова фыркает.

Миттен спит среди пестрых подушек на диване, когда что-то холодное капает ей на хвост. Кэти приходит из кухни на озадаченное мяуканье и, увидев, что происходит, ругается такими словами, что Миттен прижимает уши.

— Ты понимаешь, — объясняет Кэти, выдохшись, — эти соседи два дня назад уехали в отпуск, всей семьей. А сегодня у них трубу, наверное, прорвало. И пока мы с сантехником доберемся до этой трубы, весь диван промокнет насквозь. Я же его не отодвину одна, его втроём заносили...

Миттен вспрыгивает на колени к Кэти и успокаивающе мурлычет. Подумаешь, диван промокнет... можно попробовать ведро поставить и подушками подпереть. А если всё-таки промокнет, то рано или поздно высохнет.

А поспать можно будет и на новых джинсах Кэти, так беспечно оставленных на стуле.

Кэти рыдает, уткнувшись в подушку. Миттен осторожно касается лапкой её плеча и отшатывается, когда Кэти резко садится.

От обычно спокойной хозяйки пахнет обидой и слезами.

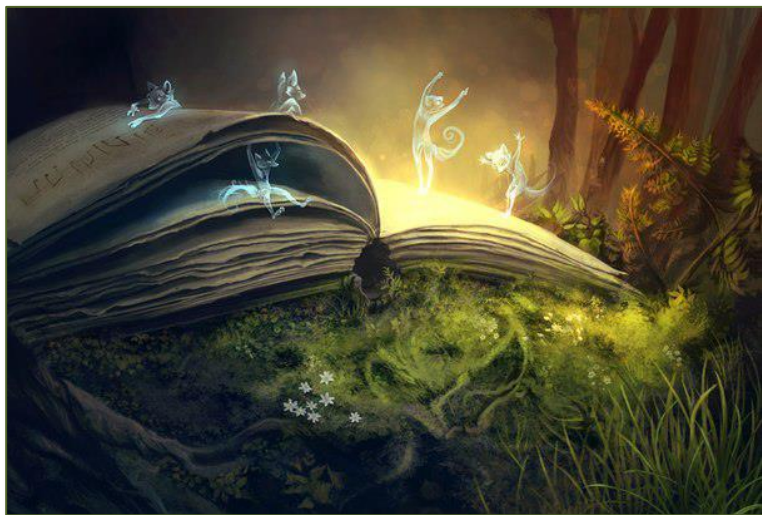
— Всегда так больно, Миттен, когда бросают, — жалуется она, проводя ладонью по ушкам Миттен. — Так больно. Везет тебе, ты не знаешь, что это такое.

Завтра утром ты опять уйдёшь на работу, думает Миттен. А на выходные поедешь к подруге, и оставишь соседке ключи, чтобы она меня кормила.

Кэти прерывисто вздыхает, постепенно успокаиваясь.

Миттен, отвернувшись, независимо вылизывается.

Ты, да я, да мы с тобой

Я не помню, когда родился. То есть, конечно, этого никто не помнит, вот так, чтобы с подробностями, но у всех должны быть свидетельства о рождении, или там паспорта, и фотографии всякие. Наверное, и у меня есть, но я всё никак не спрошу у родителей или Лизы.

Лиза — это моя старшая сестра. Она блондинка, ей восемнадцать, и она не хочет учиться в университете, а хочет замуж за Вика, с которым встречается с тех пор, как я себя помню. То есть, то встречается, то не встречается, вы же знаете, как это бывает у девочек.

Я учусь в школе. Только не спрашивайте, как учеба. Я не помню учебу, только отдельные уроки; лучше уроков я помню перемены, на которых я болтаю, бегаю по коридорам, бью окна, роняю цветочные горшки, и грублю Марь-Сергевне, которая ведет математику.

Она каждый раз плачет или краснеет, и я чувствую себя сволочью. Я бы не грубил, если бы мог, но я не могу прекратить.

Я такой, каким меня придумали. И я, и Лиза, и все-все. И вы тоже, правда ведь?

Нас придумал сценарист, и мы живём в ситкоме «Ты, да я, да мы с тобой». Не слышали о нас?

То есть, мы уже даже и не живём. Нас прекратили снимать, за нерентабельностью. Зрители нас не любили, поэтому нас положили в самый пыльный ящик стола. Зрители — это вы, то есть.

У нас есть старые фанаты, целых одиннадцать штук. Они иногда пересматривают серию-другую, чтобы ностальгически улыбнуться, и тогда мы чуть-чуть оживаем — мы уже были там, мы уже прожили этот кусок, но то, что мы пьём и едим, такое же вкусное, диваны, на которых мы сидим, такие же мягкие, а осколки очередного разбитого мной окна — всё такие же острые, как в первый раз.

А ещё иногда сценарист напивается и достаёт нас из пыльного ящика — он ведь любил нас, он сочинял нас в пылу вдохновения, мы были его первым самостоятельным проектом.

Никто не виноват, что наш сценарист оказался бездарным.

Когда сценарист напивается и начинает воображать, что с нами было бы дальше — тогда нам снятся странные сны, в которых мы чувствуем себя совсем живыми; нет, даже предживыми, состоящими из одной той силы вдохновения и воображения, которая предшествует моменту собственно нашего рождения — моменту, когда истории о нас запишут черными буквами на белом листе.

Когда жена или маленькая дочь сценариста случайно входят в кабинет, сценарист — он ведь уже именит, он матерый зубр теледела, у него много престижных премий и вилла на Рублевке — вздрагивает и резко бросает потрепанные листы с нами в тот же самый пыльный ящик. Тогда мы просыпаемся, как от удара, и нам немного обидно, что нам не дали даже досмотреть сон — показали чуть-чуть и отняли.

Я не помню, когда я родился, и я не уверен, что когда-нибудь умру. Быть может, вы уже будете думать, что меня нет, а я улыбнусь вам с чьей-нибудь аватарки, или внуки самого ярого фаната наткнутся на диск с нашим ситкомом и захотят посмотреть, или, чем черт не шутит, нас продолжат, возродят вновь к полноценной жизни.

Те, кого когда-то придумали, не умирают окончательно, как бы им того ни хотелось.

Дмитрий
Богайчук

Огонь, что невозможно погасить

— Да уж, похоже, та еще будет буря. Надо бы развести огонь, а не то мы с тобой совсем замерзнем.

Старик, прихрамывая, поплелся к потухшему очагу. Шел он, опираясь на угловатую, кое-как обтесанную палку, служившую ему тростью.

Синица проводила старика внимательным взглядом. Сидя на вбитом в стенку ржавом гвозде, она неотрывно наблюдала за стариком, время от времени сочувственно покачивая своей маленькой головкой.

— Вот беда, — всплеснув руками, старик тяжело опустился перед очагом на колени, — ты только взгляни, дров-то совсем не осталось! Парочка сырых полешек — вот и все, что у нас с тобою есть.

Синица что-то прочирикала в ответ на своем птичьем языке. Старик посмотрел на нее и горько усмехнулся:

— Ладно уж, чем богаты, тому и рады. Выдюжим, авось, не замерзнем.

Синица вспорхнула с гвоздя и уселась старику на плечо. Крепко вцепившись крохотными коготками в его драную рубаху, она с интересом стала наблюдать за тем, как старик пытается развести в очаге огонь.

— Так, и куда это я, интересно, задевал огниво?

Ветер тем временем усилился. Проникая сквозь многочисленные щели в стенах и кровле, он свободно разгуливал по обветшавшей комнате. Потихоньку накрапывал мелкий дождик, грозивший, однако, вскоре перерасти в настоящий ливень. Где-то вдалеке сердито рокотал гром.

Наконец, старику все же удалось развести в очаге огонь. Но сырые дрова горели плохо. Пламя, неуверенно заплывавшее в очаге, грозило потухнуть от любого неосторожного вздоха.

— Ну, вот и все, — устало вздохнул старик. — Теперь, глядишь, и не замерзнем.

С этими словами он подвинулся поближе к огню и, чтобы хоть как-то согреться, принялся растирать друг о друга озябшие ладони.

Огонь в очаге едва теплился. Бледно-желтые языки пламени продолжали свой робкий, застенчивый танец, никак не желая разгораться сильнее.

Старик, словно замороженный, долго смотрел на огонь, а потом, зевнув, свернулся калачиком прямо на полу, возле очага, и вскоре погрузился в глубокий сон.

Синица тем временем тоже пыталась согреться, как могла. Расправив озябшие крылышки, она то и дело подпрыгивала на одном месте. Но ничто ей не помогало. Ах, как же она хотела сейчас оказаться в этих теплых заморских краях, о которых прослышала прошлой весной от других птиц.

И она бы уже давным-давно улетела, распрощалась бы навсегда с этой холодной, продуваемой

всеми ветрами страной, если бы не старик. Ведь бросить его, старого, больного и никому, кроме нее, не нужного, синица тоже не могла — слишком свежа была память о том, как три года назад этот самый старик подобрал ее, маленькую, выпавшую из гнезда пичужку, и приютил у себя.

Синица с беспокойством наблюдала за тем, как медленно угасает в очаге пламя. Ах, если бы только она могла остановить бурю...

— Птичка, — неожиданно услышала она чей-то тихий голосок. — Птичка!

— Кто здесь? — спросила синица, испуганно озираясь по сторонам. — Кто зовет меня?

Но в комнате, кроме нее и старика, больше никого не было. Может, ей это почудилось?

— Не бойся, милая птичка, — вновь услышала синица голос. — Это я, огонь, что горит в этом очаге.

Синица очень удивилась. Она даже и представить себе не могла, что огонь тоже живой и умеет разговаривать.

— Я умираю, — жалобно продолжал огонь. — Умираю, хотя едва успел появиться на свет. Помоги мне, милая птичка. Прошу тебя, помоги!

— Но что я могу для тебя сделать? — спросила у пламени синица.

— Я умираю от голода, — голос, исходящий от очага, был настолько переполнен печалью, что у синицы защемило сердечко. — В этом очаге совсем нет для меня пищи. Я так слаб, так слаб...

— Как же я могу тебе помочь?

— Накорми меня, милая птичка. Накорми, и я оживу. А возродившись, мигом наполню этот дом теплом и светом.

— Но как?

— Во дворе, прямо под окнами этой избушки, растет старый дуб, — пояснил огонь. — Попроси помощи у него.

— Хорошо, я сделаю все, что в моих силах, — пообещала синица огню, и тут же вылетела на улицу сквозь огромную прореху в крыше.

— Поторопись, милая птичка. Прошу тебя, поторопись, — едва слышно прошептал ей вслед огонь и умолк.

Ураган на улице бушевал уже вовсю. Дождь сменился градом, порывы ветра ужасающей силы гнули деревья к земле, а молнии то и дело вспыхивали в черном, словно смоль, затянутом тучами ночном небе.

И только лишь один старый дуб гордо держался, сопротивляясь дикому, нещадному натиску бури.

К нему-то и устремилась отважная синица — единственная живая душа, посмевавшая выбраться в этот дурной час на улицу.

— Старый дуб, — едва слышно пролепетала, усевшись на ветку, синица. — Помоги мне, старый дуб!

Но просьба синицы не была услышана — ее слова, едва вырвавшись наружу, тут же потонули, без следа растворились в истерических воплях и завываниях этой ужасной, налетевшей на город, бури.

— Старый дуб! — уже громче позвала синица, изо всех сил пытаясь перекричать утробный рев урагана. — Пожалуйста, отзовись!

И дуб, наконец-таки, услышал ее.

— Чего тебе надобно, птаха? — тяжело проскрипел он в ответ. — Зачем ты беспокоишь меня?

— Меня послал к тебе огонь, что медленно погибает без пищи в очаге. Он просит твоей помощи! Не откажи ему в этом, старый дуб!

— Огонь?! Но ведь он враг мне. Знаешь ли ты, птаха, сколько моих сестер да братьев погибает из-за лесных пожаров, учиненных этим самым огнем? Нет, пожалуй, помогать ему я не стану. Так ему и передай.

— Смилуйся, старый дуб, — взмолилась в отчаянии синица. — Смилуйся хотя бы над нами, ведь без огня мы совсем замерзнем!

— А кто это, «мы»?

— Я и старик, что живет совсем один в этой старой избушке.

— А почему это он живет один? — спросил старый дуб у синицы, которая уже давно сорвала голос в бесконечных попытках перекричать бушующий ураган. — Никто не должен жить один. Разве у него нет семьи? Разве у него нет друзей?

— Вся его семья давным-давно умерла, — пояснила синица. — А единственный его друг — это я. Помогите же ему, старый дуб. Прошу тебя, помогите. Ведь если пламя в очаге потухнет, то он, боюсь, совсем замерзнет и умрет, не дожив и до утра.

— Ну что ж, — поразмыслив, ответил синице старый дуб. — Будь по-твоему, птаха. Так уж и быть, я помогу ему. Ведь и он когда-то помогал мне. Помню, как подстригал он мои ветви, как давал мне напиться в засуху, как отгонял от меня дятлов и жуков...

— Так значит, ты поможешь нам?

— Да. Ведь добрые дела должны вознаграждаться, а этот старик не раз помогал мне. И в этот трудный для него час я тоже не останусь в стороне. Слушай же меня птаха. Множество деревьев повалила эта буря, и множество моих ветвей обломала. И ты, птаха, можешь со спокойным сердцем взять их столько, сколько тебе потребуется.

— Спасибо тебе, старый дуб, — благодарно склонила свою маленькую головку синица. — Я никогда не забуду твоего великодушия. Никогда.

— Лети, птаха, не медли, — поторопил синицу дуб, и та послушно принялась за дело.

У подножия дуба лежало множество обломанных бурей веток. Их-то синица и стала собирать, выбирая те, что были поменьше да потоньше.

Но много унести она все же не могла.

— Эх, ладно, вернусь еще раз, — зажав в клюве несколько веточек, подумала синица. — А потом еще, и еще раз, если будет нужно.

Решив так, она, отчаянно сопротивляясь мощным порывам ветра, устремилась обратно в дом.

Старик, съезжившись от холода, все еще спал на полу. Синица подлетела к очагу и бросила в затухающее пламя несколько тоненьких веточек. Огонь жадно накинулся на них, и те тут же запылали.

— Спасибо, милая птичка, — вновь услышала синица тихий шепот огня, — но этого все еще мало. Мне нужно больше пищи, куда больше.

— Я скоро вернусь, — промолвила в ответ синица. — Пожалуйста, потерпи еще немного.

С этими словами птичка вновь воспарила к потолку, и вылетела на улицу, навстречу свирепому ненастью.

А буря тем временем разошлась уже не на шутку. Порывы ледяного ветра бросали синицу из стороны в сторону, мешали ей подняться в воздух, застилали глаза.

Но синица не сдавалась. Пересилив ветер, она, уворачиваясь от твердых, словно камень, градин, все же сумела добраться до подножия старого дуба и набрать очередную пригоршню тоненьких веточек для того, чтобы прокормить пламя в очаге.

Но и этого оказалось недостаточно. Оголодавший огонь просил еще, еще и еще.

Синица летала так всю ночь напролет. Летала, пока окончательно не выбилась из сил.

— Еще немного, — умолял ее огонь. — Еще чуть-чуть, и я буду спасен.

И синица полетела вновь. Маленькие ее крылышки совсем уже озябли, а на крохотных ресничках появились первые льдинки. Но она не сдавалась — летела и плакала от усталости, а слезы ее, замерзая на ветру, обращались в лед.

— Еще немного, — мысленно подбадривала она себя, — еще чуть-чуть...

Буря буйствовала в городе всю ночь напролет. Успокоилась она лишь под утро, когда тучи рассеялись, а первые солнечные лучи робко выглянули из-за горизонта.

Старик, по своему обыкновению, поднялся вместе с рассветом. Проснувшись, он с удивлением отметил, что в доме его было на редкость тепло.

— Вот тебе раз, — почесав в затылок, пробормотал старик, глядя на то, как истлевают в очаге крохотные угольки. — Неужто столько золы с двух жалких полешек вышло? Чудеса!

Поднявшись с пола, старик, по-прежнему опираясь на свою палку, тяжело заковылял к входной двери.

— Ого! А вот и первый снег выпал, — вздох удивления вырвался из легких старика, и облачком пара устремился к небесам. — Синица! Синица! Ты только посмотри на это!

Но синица так и не прилетела на зов старика. Сколько бы он не кричал, сколько бы не звал ее, все было без толку.

— И куда же это она запропастилась? — пожимал плечами старик, заходя обратно в дом. — Неужто улетела? Да еще в такую ужасную погоду...

Крупные хлопья снега, искрясь на солнце, кружились в воздухе, мягко и неторопливо опускаясь на землю, заботливо укрывая израненные ночным ураганом деревья.

А посреди всего этого великолепия высился, словно скала, могучий и старый дуб, у самых корней которого покоилось бездыханное, покрытое инеем тело маленькой синицы...

Прогулки под дождём

Ничто в этот день дождя не предвещало. Чистое, без единого облачка голубое небо, ласковый и смирный июньский ветерок, приносящий приятную свежесть и прохладу, улыбающееся всем и каждому солнце — в такие минуты о непогоде и думать-то не особо хочется, а пепельно-серое небо, затянутое тяжелыми хмурыми тучами кажется лишь пережитком прошлого, дурным воспоминанием о минувшей давным-давно осени.

Что уж тут и говорить, этого дня мы с нетерпением ожидали уже давно! Маленький сквер, утопающий в благоухании цветущей сирени, воздух, напоенный залиvistым детским смехом, едва слышный шепот березовых крон над нашими головами...

Предаваться в такой день делам и заботам казалось нам настоящим кошунством, вот мы и устроили себе выходной — сидели прямиком на траве и, взявшись за руки, молча наслаждались терпкими, щекочущими нос ароматами наступившего в кои-то веки лета. И ничто в

целом мире не могло омрачить этих поистине счастливых мгновений. Ничто! Даже начавшийся внезапно и безо всякого предупреждения дождь.

Разразившийся столь неожиданно, он навел настоящую панику на всю округу. Ветер усилился, косые струи дождя нещадно, будто плетьюми, хлестали землю. И все это при том, что на небе ни облачка, а солнце светит все также ярко и приветливо. Чудеса!

Одни только дети обрадовались неожиданному гостю. Они бегали вокруг маленьких лужиц, прыгали через них, подставляли дождю ладони и лица. Веселый и громкий их смех разносился далеко по округе, но вскоре обрывался, сменяясь невнятными протестами, когда родители чуть ли не волоком растаскивали их по домам.

Парк в одно мгновение опустел. Большинство людей разбежалось, но некоторые все же остались и теперь искали укрытия от дождя под густыми кронами тонкоствольных берез.

К бегству прочих решили присоединиться и мы. Ах, как же досадовали мы на этот дождь, как хотелось нам обругать его самыми последними словами, но стоило только поднять голову и все дурные мысли тут же улетучивались прочь. Июньское небо, по-прежнему чистое, все так же приветливо нам улыбалось, вызывая такую же улыбку в ответ.

Но мокнуть все же не хотелось. Вот и спешили мы со всех ног под крышу родимого дома. Ведь, согласитесь, куда приятней наблюдать за дождем, сидя в мягком и уютном кресле, сжимая в руках наполненную до самых краев кружку горячего шоколада.

Но, едва только мы выбрались из парка, как навстречу нам попался наш же собственный сосед по лестничной клетке.

— Здравствуйте, соседи! — махнул он рукою и несколькими широкими шагами покрыл разделяющее нас расстояние. — Чудесная погодка, не правда ли?

— Вы как всегда правы, — ответили мы в один голос. — Вот только этот дождь...

— А что же дождь? И ему порою хочется прогуляться, — весело рассмеялся наш сосед и одарил нас взглядом столь озорным, что и мы невольно улыбнулись в ответ.

Вообще, сосед наш был личностью весьма и весьма неординарной. В любую погоду ходил он босиком, предпочитая комфорту естественность ощущений. Жил в своей квартире совершенно один, но порою навещался и к нам в гости, чему мы, признаться, всегда были рады, ибо сосед наш был человеком превосходно воспитанным, да еще и к тому же не лишенным весьма тонкого чувства юмора.

— Извините за любопытство, конечно, — продолжил он после недолгой паузы, — Но куда это вы так спешите? Неужели домой?

— Ну да, — слегка смутившись, ответили мы. — Такая прекрасная погода стояла. Жаль, что дождь пошел...

— Так присоединяйтесь ко мне, — весело подмигнул сосед. — Я себя чувствую вполне комфортно.

Лишь только тут мы заметили, что капли дождя стекают по его одежде, оставляя ее совершенно сухой. Что и говорить, самый широкий зонт не мог бы справиться с этой задачей лучше!

В ответ на невысказанный нами вопрос, сосед наш в очередной раз озорно улыбнулся и, подойдя еще ближе, заговорщицким шепотом произнес:

— Где же это видано-то, чтоб собака собственного хозяина кусала? К тому же я забочусь о ней, регулярно ее выгуливаю, особенно по осени. Только вот что-то в последние дни совсем об этом позабыл, вот и

наверстываю упущенное. Присоединяйтесь, будьте так любезны, а иначе до нитки промокнете и простудитесь.

Сказав это, он размеренным шагом двинулся дальше, а мы, недолго раздумывая, направились следом за ним, согласившись своим обществом скрасить ему эту одинокую прогулку.

Не прошло и десяти минут, как мы вновь очутились в парке. Косые потоки хлещущей с небес воды теперь словно бы избегали нас, дождь лил как из ведра, но макушек наших не коснулось более ни капли. Удивлению нашему не было предела, но вопросов по поводу этого мы нашему компаньону не задавали, болтая с ним лишь о всяческих забавных пустяках.

Ненадолго задержавшись в парке, мы все же вскоре отправились домой. По пути наш сосед постоянно встречал каких-то своих знакомых, пытающихся укрыться от дождя, и предлагал им присоединиться к нашей развеселой компании. Кое-кто соглашался, и вскоре лица их ярко окрашивались всеми оттенками недоумения, ведь не каждый день встречаешь человека, приручившего грозную стихию, будто какую-то комнатную собачонку.

Вскоре мы добрались и до дома. Сердечно всех нас поблагодарив и извинившись за предоставленные им неудобства, сосед наш отправился домой, а мы еще долго после этого стояли у самого его порога, отчаянно пытаясь осмыслить увиденное сегодня собственными глазами чудо.

Но вскоре размышления наши были прерваны созерцанием еще одного чуда — ибо над городом вдруг, сверкая всем своим великолепием, повисла яркая радуга, оторвать от которой восхищенного взора было невозможно.

Так мы и стояли, долго еще размышляя над тем, а не является ли эта радуга подарком для всех нас. Подарком от человека, что ходил в любую погоду босиком, обладал прекрасным чувством юмора, идеальными манерами... и держал у себя в прихожей силу непокорной прежде никому стихии.

Свадебный подарок

*Глава первая,
в которой читатель имеет сомнительную честь
познакомиться с честолюбивым молодым рыцарем,
известным во всем Малом Королевстве под именем сэра
Ганелона.*

Одинокий всадник, с ног до головы закованный в потрепанные, сплошь покрытые грязью латы, во весь опор мчался по извилистой горной тропе. Подгоняемый холодным, пробирающим до костей северным ветром, всадник нещадно гнал своего коня до тех пор, пока у того не пошла пена изо рта. Но даже тогда он не остановился, а лишь слегка сбавил ход, пустив коня легким аллюром.

Погода в этих суровых краях была просто ужасной. Небо было сплошь затянуто непроницаемой для солнечного света завесой из угрюмых пепельно-серых туч. Отдаленные раскаты грома и редкие грозовые

всполохи предупреждали всадника о том, что скоро здесь начнется дождь, который вскоре обернется настоящим ливнем.

Лошадь, несущая на себе всадника в полном рыцарском облачении, дышала тяжело, но шагала на удивление ровно. Вообще, было удивительно, как она только смогла пережить столь дикую и длительную скачку, да и еще с таким тяжелым грузом на спине.

Всадник же, наоборот, окончательно выбился из сил после целого дня, проведенного им в седле. Однако, каким-то чудом (во многом благодаря стараниям лошади) он все же держался в седле и, к тому же, находил в себе силы подумать: что же такого важного он искал в этих диких, продуваемых всеми ветрами землях?

Ответ на этот вопрос напрашивался сам собой — несравненная леди Ровена! Всадник искал здесь единственный возможный путь к ее сердцу и, будучи человеком неравнодушным к золоту, кошелек.

Ах, эта леди Ровена! Ну что, спрашивается, такого необыкновенного нашел он (да и множество других рыцарей) в этой заносчивой дочке сумасшедшего барона? Ведь леди Ровена, как и большинство придворных дам, вовсе не отличалась особой красотой. Зато, надо отдать ей должное, была очень богата, но, к сожалению, столь же глупа и капризна.

А вот ее отец был человеком сметливым. Он, в отличие от самой девушки, прекрасно понимал, какая цель двигала всеми теми рыцарями, что днями напролет осаждали стены его дома. Конечно же, все дело было в ее богатстве, а вовсе не в уме, красоте или кротости (этими, вне всяких сомнений, очень важными для любой женщины качествами, леди Ровену природа как раз и обделила). И молодой сэра Ганелон (а именно так и звали нашего героя) как раз был одним из таких вот рыцарей, и,

надо сказать, до сих пор имел все шансы выйти победителем в этой нескончаемой борьбе за руку и кошелек леди Ровены.

И он, вне всяких сомнений, уже давно был бы женат, богат и бесконечно счастлив, если бы не козни хитроумного барона — отца леди Ровены.

А дело было так. Однажды, решив разом избавиться от всех этих порядком поднадоевших ему женихов, он якобы ненароком обмолвился дочери, что в стародавние времена храбрые рыцари добивались расположения красавицы отнюдь не комплиментами, подарками и прочими ухаживаниями. Нет, они совершали в ее честь самые разные подвиги: то бишь пересекали вплавь океаны, в одиночку сражались с целыми армиями, выкрикивая, словно боевой клич, имя своей возлюбленной, вызывали на поединок огромных, живущих в дремучих чащобах, великанов или же просто преподносили красавице отрубленную голову огнедышащего дракона в качестве свадебного подарка.

И леди Ровене, пошедшей на поводу у своего хитроумного отца, идея подарка в виде головы огромного огнедышащего дракона понравилась настолько, что на следующий же день она публично заявила всем своим женихам, что выйдет замуж только за того, кто привезет её.

Как и рассчитывал отец леди Ровены, количество женихов тут же сократилось втрое. Большинство рыцарей рассудило, что леди Ровена просто не стоит риска оказаться зажаренным, а потом и съеденным огромным огнедышащим ящером.

Но сэр Ганелон был не так-то прост. Приняв вызов леди Ровены, он, отнюдь не горя желанием поскорее прыгнуть дракону в самую пасть, первым делом

отправился в Библиотеку. Да-да, именно в Библиотеку! И именно в Библиотеку с Большой Буквы!

А называлась эта Библиотека так потому, что в ней было собрано ни много ни мало один миллион двести десять тысяч книг. И среди этих книг, рассуждал Ганелон, обязательно должна оказаться хоть одна, посвященная драконам и их повадкам. И он оказался прав. После долгих и утомительных поисков, продолжавшихся ни один час, Ганелон все же нашел такую книгу. А точнее огромный фолиант толщиной в несколько тысяч страниц. Называлась эта книга "Крылатые огнедышащие рептилии. 1000 и 1 способ борьбы с ними". Из неё молодой рыцарь узнал, что все без исключения драконы — существа холоднокровные, а следовательно и ужасно мерзлявые. Также он узнал и о том, что с наступлением зимы большинство драконов, подобно медведям, погружаются в спячку, столь сильную и крепкую, что даже целая орава орущих во весь голос, топающих ногами и хлопающих в ладоши пьяных рыцарей не смогла бы пробудить их ото сна.

Прочитав этот отрывок, Ганелон задумался. Конечно же, логично было бы дожидаться зимы, а уж потом отправляться на поиски дракона. Ни к чему было рисковать жизнью и сражаться с огнедышащей тварью в честном поединке один на один, когда можно было просто тихонько приблизиться к спящему дракону и мощным ударом меча по шее снести ему голову.

Конечно, это было, мягко говоря, не по-рыцарски. Следуя рыцарскому кодексу чести, Ганелону сначала полагалось отыскать логово дракона, затем встать перед ним, крикнуть что есть мочи что-нибудь обидное, дабы дракон соизволил выползти наружу, а уж потом принять честный бой и пасть смертью храбрых.

Но умирать сэра Ганелона пока еще не собирався. Ведь он был так молод! А вскоре, если его план удастся, он будет еще и женат на богатой дочери престарелого барона. А это ли не счастье?

Подумав, Ганелон все же решил подождать. К счастью, до наступления зимы оставалось всего лишь несколько часов — ведь Ганелон посетил Библиотеку с Большой Буквы в ночь с тридцать первого ноября на первое декабря и просидел там почти до рассвета.

И вот первого декабря, ровно в десять часов утра, оседлав своего верного белогривого скакуна, наш герой отправился в далекое и очень опасное путешествие к северным границам Малого Королевства. Туда, где по слухам затерялась среди гор обитель огромного золотого дракона, имя которого было столь трудным для произношения, что выговорить его до сих пор не удавалось ни одному смертному.

Опасности поджидали Ганелона на каждом шагу. За время своего путешествия он ни раз находился на волосок от гибели, но удача, по какой-то лишь ей одной ведомой причине, всегда была на стороне молодого рыцаря.

И вот, спустя целый месяц лишений — хронических недосыпаний и недоеданий — Ганелон все же достиг своей цели. И теперь, стоя у подножия драконьей цитадели — огромной горы с десятками крутых выступов, отвесных скал и гигантских каменных шпилей, верхушки которых прятались от людского взора среди облаков — Ганелона беспокоила только одна мысль:

— Когда же, — нахмурив лоб думал Ганелон, — придет конец всем этим пыткам? Когда же человечество додумается изобрести более удобное средство

передвижения, нежели старая упрямая кляча о четырех копытах?

Но времени поразмышлять над этим, вне всяких сомнений, очень важным вопросом у молодого рыцаря, к сожалению, совершенно не было. Погода портилась с каждой минутой, а ответ вовсе и не думал приходить, и Ганелон, рассудив, что век самодвижущихся повозок и летающих по небу телег наступит еще очень нескоро, собрал в кулак жалкие остатки своего мужества и направил коня в зияющую в скале пещеру, что вела напрямиком к драконьему логову.

Глава вторая,

*в которой уже известному нам сэру Ганелону
предстоит узнать страшную правду о том,
что некоторые лошади вовсе не такие уж и бестолковые
животные,
коими кажутся нам на первый взгляд,
а также испытать на себе разрушительные последствия
влияния золотой лихорадки на человеческий разум.*

Пещера на самом деле оказалась длинным и узким тоннелем, который петляя и извиваясь, уводил Ганелона вглубь горы. Здесь, среди каменных, поросших мхом и лишайником стен, царил тяжелый и удушливый запах сырости, смешанный с блаженными для любого дракона ароматами гниения.

По мере продвижения вперед, тьма все сильнее окутывала рыцаря, и вскоре Ганелон был вынужден зажечь факел, дабы не затеряться в этом бесконечном лабиринте коридоров и тоннелей.

Вдруг, узкий проход, по которому Ганелон и ехал все это время, неожиданно закончился тупиком.

— Проклятье! — громко выругался молодой рыцарь и тут же улыбнулся тому, как смешно эхо исказило его слова. — И куда же теперь?

— Поезжай назад, до развилки, — неожиданно произнес чей-то веселый и немного насмешливый голос. — А как только доедешь, поворачивай направо — мне кажется, туда-то нам и надо.

— Спасибо, — Ганелон поблагодарил голос и уже было начал разворачиваться, как вдруг...

— Постой-ка! — он неожиданно замер и испуганно огляделся по сторонам. — Кто это сказал?

— Я.

— Кто это, я?

Ганелон услышал, как откуда-то из-под него донесся вздох.

— Кто-кто?! Твоя лошадь, вот кто!

От изумления у рыцаря отвисла челюсть.

— Лошади не умеют разговаривать!

— Ну почему же, — насмешливо возразил голос. — То здесь словечко запомнишь, то там. Ничего сложного.

Ганелон задумчиво вытер нос латной перчаткой. Говорящие лошади? Только этого ему еще не хватало!

— Если ты умела говорить, то почему же до сих пор молчала? — неуверенно спросил рыцарь, которому сама мысль о существовании говорящей лошади казалась полнейшим абсурдом.

— Потому что ты ни о чем не спрашивал, — терпеливо пояснила лошадь. — А это, знаешь ли, не очень-то вежливо — открывать рот, когда тебя об этом не просят.

— О-о, — вырвалось у изумленного Ганелона. — Но ведь я и сейчас тебя ни о чем не спрашивал. Почему же...

— Вот и неправда! — обиженно воскликнула лошадь. — Ты спросил, куда же теперь ехать? Вот я и решила подсказать тебе направление. А я, знаешь ли, хорошо ориентируюсь в пространстве. Особенно, в замкнутом.

— О-о, — в очередной раз произнес Ганелон, все еще пребывающий в легком шоке оттого, что его лошадь, оказывается, умеет говорить и при этом, довольно неплохо ориентируется на местности.

— Ага, — ответила лошадь. — Ну что, так и будем стоять? Поехали уже...

И Ганелон, чувствуя в душе какую-то странную досаду, подчинился. Развернувшись, он, бряцая доспехами, поехал назад и спустя несколько минут оказался перед развилкой двух тоннелей.

— Теперь направо, — подсказала ему лошадь. — Поворачивай направо.

— Откуда ты знаешь? — Ганелон неуверенно покосился на свою новую собеседницу, которая всем своим видом выражала полнейшую уверенность в своей правоте.

— В левом тоннеле не так сильно смердит, — объяснила лошадь. — Ты ведь ищешь дракона, не так ли? А они, это всем известно, источают просто ужасную вонь! Хотя, признаюсь, твой запах тоже не из приятных — ему вполне по силам сбить меня со следа. Почаще бы ты мылся...

— Эй! — принялся оправдываться Ганелон. — Ты что, не помнишь, я ведь купался в реке всего каких-то две недели тому назад! К тому же, это ты виновата в том, что я свалился тогда в ту огромную кучу навоза!

— Ладно, — немного смутившись, заявила лошадь, — что толку поминать прошлое? Давай-ка думать о будущем. Ты ехать вообще собираешься, или как?

Ганелон нахмурился. Нет, ему определенно не понравился нагловатый характер собеседницы. И чего только эта старая кляча о себе возомнила?

— Ау! Ты чего это там задумался? Давай, поторапливайся! А то здесь ужасные сквозняки. Так, знаешь ли, и заболеть недолго!

Ганелон не ответил. А только лишь еще сильнее нахмурился и, тронув поводья, направил лошадь по правому тоннелю. Его преследовало странное и крайне неприятное чувство, будто он неожиданно поменялся ролями с этой болтливой старой кобылой. А это, надо сказать, не очень-то устраивало хоть и трусоватого, но все же горделивого рыцаря. Ну да ничего, думал Ганелон, уж он-то покажет ей, что значит «хорошие манеры»! Только бы поскорее выбраться отсюда! А потом в первой же деревне он безо всякой жалости продаст болтливую лошадь на скотобойню или же выменяет ее на молодого и, желательно, молчаливого жеребца.

Эта мысль так понравилась Ганелону, что весь оставшийся путь с его лица не слетала жутковатого вида ухмылка, от одного взгляда на которую стало бы не по себе даже самому злобному и голодному дракону во всем Королевстве.

Так они и ехали — болтливая лошадь, получившая, наконец-таки, возможность выговориться после долгих месяцев молчания и зловеще ухмыляющийся собственным мыслям рыцарь.

Чем дальше, тем шире становился тоннель, а едкий запах серы, до того едва уловимый, с каждым шагом становился все сильнее и сильнее, примешиваясь к и без того невыносимой смеси из ароматов гнили, сырости и разложения.

— Фу, ну и вонь! — без конца жаловалась лошадь. — Должна признать, этот запах даст фору даже моему аромату навозной кучи!

— Заткнись! — не выдержав, рявкнул Ганелон. — Или ты хочешь своей болтовней пробудить дракона ото сна? Держу пари, тебе это вполне по силам.

Кобыла обиженно фыркнула и дважды ударила себя хвостом по крупу.

— А с чего ты вообще взял, что драконы зимою впадают в спячку? Лично я слышала, что с наступлением холодов они улетают на юг...

Скучное воображение Ганелона тут же, как смогло, нарисовало ему следующую прелестную картинку: целая стая огромных крылатых ящеров, дружным строем летящая на юг, словно стайка каких-нибудь грачей. Да, не сладко, наверное, живется южанам...

— Улетают на юг? — фыркнул Ганелон, которого подобная идея одновременно и позабавила и привела в ужас. — Что это за чушь ты несешь? Какой-то бред сивой кобылы...

— Эй! Давай-ка не будем переходить на личности!

— Всем известно, что драконы впадают зимою в спячку, — назидательным тоном произнес Ганелон, совершенно не обращая внимания на протесты со стороны своей собеседницы, — Так, по крайней мере, в книге написано...

— А если, — в свою очередь парировала лошадь, — в книге будет написано, что выпивая на ночь по два литра драконьей мочи, ты обретишь бессмертие, а? Этому ты тоже поверишь?

Тут Ганелон резко остановился и устремил на кобылу преисполненный удивления взгляд.

— А что, — с плохо скрываемым интересом спросил рыцарь, — это действительно так?

— Не знаю, — дернула головою лошадь. — Слышала я об одном колдуне. Так вот он именно так и поступал. Запирался, значит, у себя в башне и пил. И не по два литра пил, а по четыре!

— А это еще зачем? Чтобы эффекта быстрее добиться?

— Нет. Просто ему нравилось пить мочу. У него это хорошо получалось.

— А-а! И как, получилось у него? Добился он бессмертия?

— Не знаю, — ответила лошадь на вопрос Ганелона. — Он целый месяц эту мочу пил, а потом вдруг перестал. Сказал, что ненадежное это средство — моча дракона, и тут же перешел на диету их мышинных хвостов, лягушачьих лапок и мертвых тараканов.

— Какая гадость! И на что только не идут в наш век люди ради бессмертия!

— И то правда! На мой взгляд, пить мочу — способ куда более цивилизованный и достойный современного чародея...

Вот так, неспешно переговариваясь и обсуждая весьма сомнительные достоинства и откровенные недостатки обоих способов достижения бессмертия, Ганелон и его лошадь даже не сразу заметили, как вступили в огромную, залитую ослепительным блеском пещеру.

А как только заметили, тут же застыли на месте, не забыв при этом широко разинуть от изумления рты. Ибо большая часть пещеры была погребена под несметным количеством золотых монет, драгоценных камней, изукрашенных причудливой росписью кубков, серебряных застёжек и других предметов роскоши. Тут и там валялись наполненные до краев мешки с

самоцветными камнями. Целыми россыпями лежали на земле бриллианты. Невдалеке от них завораживающе сверкала в свете тысячи факелов огромная куча рубинов. А посреди всего этого блестящего, переливающегося всеми цветами радуги великолепия возвышалась, чуть кренясь на бок, большая, в два человеческих роста, статуя какого-то давно погибшего короля, отлитая из самого что ни на есть наичистейшего золота.

— ... — только и сумел вымолвить потрясенный до глубины души Ганелон. Его обычно скудное воображение сегодня что-то не на шутку разыгралось — он тут же представил себя маленьким, прямо-таки крохотным дельфином, плещущимся в бескрайнем океане драгоценных камней и золотых монет.

Ах, как прекрасны были эти сокровища! Ганелон поймал себя на мысли, что мог бы часами стоять на одном месте и любоваться их великолепным, завораживающим глаза блеском. Это зрелище настолько впечатлило рыцаря, что он в мгновение ока понял, что до конца своих дней останется холост. Ибо ни одна, даже самая прекрасная из всех земных женщин не смогла бы затмить своей красотой этот ослепительный блеск. Золото! Оно было первой и, к сожалению, единственной любовью Ганелона. Оно было его кумиром...

Лошадь, по натуре существо куда более рассудительное и уж точно менее жадное и эгоистичное, чем обыкновенный, ни чем не примечательный среднестатистический рыцарь, с нескрываемым удивлением наблюдала за Ганелоном. Вам когда-нибудь приходилось видеть заядлого упитанного сладкоежку, которого на целых три месяца оставили без сладкого, а потом, совершенно неожиданно для него, угостили одной единственной малюсенькой конфеткой? Если да, тогда нет смысла описывать, вы и сами легко сможете

вообразить себе лицо Ганелона таким, каким его увидела в тот момент лошадь. Ну а если все же не видели, то могу сказать только одно — вам несказанно повезло в этой жизни, потому как зрелище это отнюдь не из приятных: какой-то потерянный и совершенно дикий взгляд, слюна, в большом количестве стекающая по подбородку, учащенный до предела пульс...

В общем, Ганелон так бы и стоял, алчно взирая на драконьи сокровища, если бы не лошадь, у которой, в отличие от него, был врожденный иммунитет к поразившей рыцаря золотой лихорадке.

— Эй! Эй, ты! — громко заржала кобыла, пытаясь привлечь к себе внимание рыцаря. — Очнись! ОЧНИСЬ!!!

Но все было напрасно. Погруженный в мечты о чем-то блестящем, сверкающем и имеющем желтоватый оттенок, Ганелон казался абсолютно недосягаем.

— Смотри, какой огромный бриллиант! — не сдавалась лошадь.

— А-а? — рассеянно откликнулся Ганелон.

— А какой рядом лежит рубин! Ух, ты только взгляни на него! Он же величиною с кулак!

— А... Что?! Рубин величиною с кулак? — тут же очнулся от наваждения Ганелон. — Где? Где он? Покажи мне!

— Э-э-э, вон там, — неопределенно махнула хвостом лошадь. — Да. Точно. Он там.

— Где? Я не вижу...

— Вон там, — лошадь снова взмахнула хвостом. Валяется рядом с той гигантской статуей спящего дракона, что стоит у тебя за спиной.

— А, понятно! — радостно воскликнул рыцарь. — Постой-ка! Рядом с чьей статуей...?

— ДРА-КО-НА! Дракона, тупица, — терпеливо повторила кобыла.

Ганелон тут же устремил свой взгляд туда, куда показывала хвостом лошадь. И действительно увидел там огромную, прямо-таки исполинских размеров статую, изображающую спящего дракона, свернувшегося клубком, точно самодовольный, наевшийся сметаны кот, отлитую (а как же иначе!) из чистого золота. Так, по крайней мере, казалось на первый взгляд.

— Ого! — воскликнул Ганелон, спешиваясь. — Прямо как настоящий. И лапы, и когти, да и усы вон какие длиннющие! Даже страшно.

С трудом пробираясь через огромные золотые горы, на которых и возлежала статуя, Ганелон вдруг заметил, что она действительно была как живая. И отнюдь не в метафорическом, а в самом что ни на есть буквальном смысле этого слова.

Статуя дышала...

Дышала, что было уж совсем необычно для золотой статуи — глубоко и ровно, не забывая при этом посапывать.

Ганелон так и замер на месте, а его дрожащая рука медленно потянулась к ножнам, висящим на поясе. Вот только меча в этих ножнах не было.

— О нет, — едва слышно выдохнул рыцарь, — я где-то потерял свой меч!

Сказав это, Ганелон услышал у себя за спиной тихий, преисполненный разочарования, лошадиный вздох.

— Возьми другой. Здесь их полным-полно.

— Не могу. Они все из золота.

— Ну и что?

— А то, что золото — металл слишком мягкий и в бою совершенно бесполезен!

— А-а!

Рыцарь буквально чувствовал, как по его телу медленно, но верно разливается противная, липкая, всепоглощающая волна ледящего душу страха. Вслед за которым — рыцарь знал это по собственному опыту — последует дикий, невыразимый ужас, перед которым не в силах был устоять ни один человек. Ну, разве что только тот, кто был хоть чуточку храбрее самого Ганелона.

— Ты знаешь, — констатировала и без того непреложный факт лошадь, — по-моему, это вовсе даже и не статуя.

— Угу.

— Мне кажется, это всего-навсего огромный золотой огнедышащий ящер из породы огромных золотых огнедышащих ящеров. Просто он спит.

— В самом деле? — цинично переспросил Ганелон, колени которого уже начали слегка подрагивать. — Ну, тогда дело в шляпе. Осталось только найти нормальный меч и отрубить этому, как ты сама выразилась, огромному огнедышащему ящеру голову! Все просто!

— Если ты так боишься драконов, то зачем же тогда вызвался принести леди Ровене его голову? Ведь никто тебя за язык не тянул.

— Ты знаешь, — откликнулся рыцарь, в голосе которого явственно чувствовалось нарастающее с каждой секундой напряжение, — до сих пор я и понятия не имел, о том, насколько сильно их боюсь. Я ведь никогда их не встречал. К тому же, тогда это показалось мне хорошей идеей...

— Может, лучше перестанешь болтать и поищешь меч? А то я уже начинаю нервничать, — предупредила лошадь Ганелона.

— Хорошо-хорошо. Уже ищу!

Но, осмотревшись по сторонам, он не обнаружил ни единого нормального, сделанного из самой что ни на есть обыкновенной стали меча, которым можно было бы нанести дракону сокрушительный удар. И, искренне сожалея о том, что неделю назад проиграл бродячим цыганам в карты почти все свое снаряжение, а именно: копьё, лук, колчан полный стрел, а также крепкий огнеупорный щит, Ганелон тихо, стараясь не шуметь, сделал несколько шагов назад, подальше от спящего дракона, тревожить покой которого ему неожиданно расхотелось.

Вот тут-то, следуя всемирному закону подлости, ветреная, склонная к измене госпожа удача и отвернулась от рыцаря. Сделав шаг назад, рыцарь запнулся о тяжелый окованный золотом сундук и с оглушительным грохотом, сравнимым разве что с одновременным падением на каменный пол двухсот тысяч хрустальных сервизов, приземлился на кучу золота.

Лошадь, наблюдавшая за всем этим действием с порядочного и, как ей казалось, сравнительно безопасного расстояния, затаила дыхание.

— Вот идиот! — испуганно прошептала она.

И тут, разбуженный столь непривычным для него шумом, дракон лениво приоткрыл один глаз...

*Глава третья,
в которой читателю выпадает уникальный шанс
поближе познакомиться с ужасным огнедышащим драконом,
чье имя до сих пор считается непрониосимым,
а также понять, что такое запах жадности, чем же он так
привлекателен для драконов,
и как его можно использовать в своих, без сомнения коварных,
замыслах.*

— Ой-ой-ой, — только и смог произнести упавший на кучу золота Ганелон, когда увидел, как дракон, который еще минуту назад крепко спал и видел во сне свое любимое угощение — поджаренные на медленном огне рыцарские пальчики, нехотя разлепляет заспанные глаза, один взгляд которых даже сейчас был способен обращать в бегство целые армии отважных рыцарей.

— Вот идиот! — снова прошептала лошадь.

Тем временем, дракон, окончательно сбросив с себя остатки недавнего сна, потянулся и, поднявшись во весь свой исполинский рост, зевнул так широко, что в пасть его без труда смог бы заплыть небольшой бриг да еще и маленькая рыбацкая лодочка в придачу с самим рыбаком.

А потом — заметил Ганелона.

Тут стоит, пожалуй, упомянуть о том, что драконы — существа очень и очень древние, и, ко всему прочему, практически не исследованные. Хорошенько изучить быт и нравы этих гигантских рептилий еще никому не удавалось, хотя бы по той простой причине, что все эти доморощенные исследователи, ученые и естествоиспытатели, отважно рискующие собственной шкурой во имя науки, в итоге оказывались в брюхе у тех же драконов. Так продолжалось несколько столетий кряду, пока драконы не сожрали большую часть назойливых исследователей, превратив последних в

вымирающий вид. С тех самых пор, чтобы хоть как-то уменьшить и без того высокий процент смертности среди ученых и сохранить их медленно, но верно угасающую популяцию, король издал указ, которым под страхом смертной казни запрещал всяческие научные изыскания, направленные против драконов, проживающих на территории Малого Королевства.

Но кое-какую информацию собрать все-таки удалось. Правда, информация эта сильно разнилась по содержанию. Так, один известный в узких кругах ученый утверждал, что все драконы, будучи существами хладнокровными, с наступлением зимних холодов улетают подобно птицам в теплые края. Тогда как другой ученый, будучи его заклятым противником, утверждал, что драконы берут пример с медведей и с наступлением зимы погружаются в спячку, из которой не выходят вплоть до самой весны. Третья же, никому не известная группа ученых, пыталась доказать и вовсе невероятную теорию о том, что драконы уже давным-давно свыклились с зимними холодами и теперь спокойно дожидаются оттепели в своих темных пещерах, даже и не думая о том, чтобы впасть в спячку, кому, панику или еще во что бы там ни было.

Так или иначе, но все исследователи сходились только в одном. Все без исключения драконы — настоящие сороки. Не в том смысле, что имеют черно-белый окрас и едят червяков, а в том, что они ужасно охочи до всяческих блестящих предметов, начиная от обычных разноцветных стекляшек и заканчивая редкими драгоценными камнями и золотыми монетами. Все, что удастся добыть во время налета, дракон в спешном порядке уносит в свое логово и сваливает в одну огромную кучу, которую охраняет столь ревностно, что для ее защиты не пожалеет и собственной жизни. Также

доподлинно известно, что драконы — существа очень внимательные. От их зоркого, прямо-таки орлиного (или, если быть точным — драконьего) взора не способна укрыться ни одна, даже самая маленькая деталь. Поэтому дракон непременно заметит пропажу даже одной-единственной золотой монетки, а уж вора, посмевшегося вторгнуться в его владения, он уничтожит безо всякой жалости и с превеликим, надо сказать, удовольствием.

Так что нет ничего удивительного в том, что встретившись взглядом с насмерть перепуганным Ганелоном, дракон страшно разъярился. Изогнув длинную шею под каким-то немислимым углом, дракон издал довольно-таки своеобразный утробный звук, более всего напоминающий грозное рычание загнанного в угол льва. Затем, чтобы придать себе вид повнушительней, дракон начал медленно расправлять свои огромные перепончатые крылья.

К величайшему счастью Ганелона, дракон все равно не смог бы взлететь — в пещере для этого просто не хватало места, однако с расправленными крыльями и слегка приоткрытой пастью, полной острых зубов, это десятиметровое чудище действительно выглядело более внушительным, чем было на самом деле.

— Вот идиот, — в который уже раз повторила лошадь и тут же предприняла полную отчаяния попытку к бегству. Однако дракон взмахнул хвостом и, разметав во все стороны целую кучу золотых монет и драгоценных камней, мощным ударом сбил лошадь с ног.

— Ай! — только и смогла вымолвить лошадь, угодив головой в один из наполненных золотом сундуков, — Кажется, во мне что-то хрустнуло. Сдается мне, не к добру все это...

А Ганелон тем временем уже поднялся на ноги и, последовав примеру своей лошади, приготовился

спасаться бегством. Но вновь запнулся о тот же самый сундук и с шумом приземлился прямо на огромную кучу драгоценных камней.

— Проклятье! — громко выругался он и, решив не тратить попусту драгоценное время, прямо так, на четвереньках, пополз к тоннелю, что вел прочь из пещеры.

Но поскольку в доспехах двигался Ганелон не многим быстрее умирающей улитки, далеко уйти ему так и не удалось. Дракон, которому уже порядком поднадоела эта нескончаемая игра в кошки-мышки, тут же преградил ему дорогу.

Склонившись над буквально сжавшимся в комок рыцарем, дракон набрал в грудь побольше воздуха и, намередаясь заживо испепелить незваного гостя, с шумом выдохнул.

Почувствовав на своем лице горячее дыхание дракона, Ганелон в испуге зажмурился и выставил вперед руки, словно им было под силу остановить волну пламени, которая вот-вот должна была вырваться наружу.

Но ничего этого не случилось. Внезапно дракона поразил сильный приступ кашля, и вместо пламени из его пасти вырвалась лишь некая подозрительная слизь, очень уж напоминающая мокроту, а из ноздрей тонкой струйкой за клубился черный дымок.

— Кхе-кхе... будь проклята... кхе-кхе... эта простуда! — прорычал, сотрясаясь от кашля, дракон, и Ганелон, только что чудом избежавший смерти, в изумлении уставился на него.

— Ты... умеешь разговаривать?

— Конечно... кхе-кхе... умею! За кого ты меня принимаешь, за крокодила? Я же ДРАКОН! ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ! Просто я что-то сегодня не в форме,

иначе ты, человечиска, был бы уже мертв, а я — сыт и доволен!

— А как насчет лошадей? — осмелилась полубопытствовать кобыла, неслышно подкраваясь к дракону сзади.

— Нет, — отмахнулся дракон. — Кониной я брезгую. Я ведь ДРАКОН! ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ! И ем исключительно человеческое мясо!

Лошадь облегченно вздохнула. Уж ей-то, по крайней мере, ничего не грозит. А гибель Ганелона она уж как-нибудь переживет, оклемается.

— Но все же я не буду тебя есть, — прочистив горло, обратился дракон к человеку. — Не в моих это интересах!

— Ну вот и славно, — обрадовался Ганелон и, вскочив на ноги, тут же уселся на огромный сундук, который не так давно послужил причиной целых двух ужасно болезненных падений.

— Ведь ты мне можешь еще пригодиться, — задумчиво прорычал дракон и, склонившись над Ганелоном, быстренько обнюхал рыцаря с головы до ног.

— Ой, перестань! — коротко хихикнул Ганелон. — Я ужасно боюсь щекотки. Перестань!

Но дракон не обращал на претензии человека ровным счетом никакого внимания.

— Так что ты имеешь в виду? — наконец спросил рыцарь, всегда готовый в случае опасности пуститься наутек. — Что значит, я могу тебе еще пригодиться? Для чего? Учти, если ты все же надумаешь меня слопать, то к твоей простуде добавится еще и ужаснейшее несварение желудка. Да, я такой!

— От тебя пахнет навозом, — немного подумав, сообщил Ганелону дракон. — И жадностью. Я давно ждал, такого человека, как ты!

— Ты ждал человека, от которого будет пахнуть навозом? — удивилась лошадь. — Зачем тебе это? А! Ты, наверное, гурман! Предпочитаешь пряностям навоз!

— Да нет же, — раздражено прорычал дракон. — Я уже давно жду человека, от которого разило бы жадностью так же, как и от твоего хозяина!

— Он мне не хозяин! — горячо возразила лошадь. — Мы с ним просто партнеры! У нас с ним, так сказать, взаимное сосуществование, вот.

— Не знаю, — неуверенно произнес Ганелон, тщательно обнюхивая сам себя. — По-моему, от меня пахнет исключительно навозом. А на что похож запах этой жадности?

Задумавшись, дракон надолго замер на месте без движения. А затем, пожав плечами, что было довольно ловким трюком для существа, у которого от природы не бывает никаких плеч, пояснил:

— Такой же запах источают по утрам лепестки алой розы, вымоченные в экстракте цветка алоэ и пропитанные зловонием тысячи вонючих клопов. Да, точно. Именно так.

Ганелон в недоумении обнюхал себя еще раз. Он даже и не думал, что его тело способно источать столь изысканные ароматы. Вот едкий запах пота, так это всегда пожалуйста, такое его железам было вполне по силам.

— Нет, тогда это точно не я, — уверенно заявил дракону рыцарь.

— Поверь мне, юный Ганелон, от тебя так разит жадностью, что учуять этот запах я смог бы и за версту.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Мне многое ведомо, — уклончиво ответил дракон. — Не забывай, я же ДРАКОН! ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ!

— Докажи! — тут же потребовала лошадь. — Сколько будет дважды два?

— Четыре.

— А пятью пять?

— Э-э-э... семнадцать? — неуверенно предположил Ганелон.

— Двадцать пять, — тут же ответил дракон на вопрос лошади, которая, казалось, была просто поражена объемом его знаний.

— Так. Хорошо, — все никак не унималась лошадь. — А чему же в таком случае равна сумма углов квадрата гипотенузы, а?

На мгновение в пещере повисла напряженная, остро требующая разрядки, тишина. Ганелон с откровенным ужасом взирает на свою лошадь, которая, очевидно, в прошлой жизни была воплощением царицы наук — высшей математикой.

— Не знаю даже, — задумчиво пробормотал дракон. — А что такое эта самая гиппопатамуза?

Из пасти лошади вырвалось пронзительное ржание, которое, по всей видимости, служило ей победным кличем.

— Ага! Не знаешь! — радостно вопила лошадь. — И вовсе ты никакой не ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ!

— Лучше не зли его, — прошептал Ганелон, взяв кобылу под уздцы и отводя в сторонку. — Если огромный десятиметровый дракон заявляет, что он ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ, то лучше уж поверить ему на слово и не спорить. Хорошо?

— Может быть, я и не знаю, что такое гиппопатамуза... — тем временем злобно прорычал дракон.

— Гипотенуза, — поправила лошадь огнедышащего ящера, но тут же умолкла, ощутив на себе грозный взгляд рыцаря.

— ПЛЕВАТЬ! — проревел дракон. — Так вот, может, я и не знаю, что такое эта ваша гиппотамуза...

На этот раз кобыла промолчала, так как Ганелон предусмотрительно ткнул ее локтем в бок.

— Но зато, — тем временем продолжал дракон, — Я прекрасно знаю, зачем ты, Ганелон, явился сюда. Ты, по глупости решивший, что способен мериться силою с ДРАКОНОМ, ВЕЛИКИМ И УЖАСНЫМ, явился сюда ради моей головы, которую потребовала в подарок твоя ненаглядная леди Ровена!

— Ну, почти угадал, — только и сказал рыцарь, у которого уже не было сил удивляться. — Интересно, откуда тебе это известно?

— Запах, — назидательным тоном прорычал дракон, — может многое рассказать о человеке. А еще я знаю, что жениться на этой леди ты собираешься исключительно ради денег, но никак не по любви...

— Теперь прямо в точку, — пожимая плечами, признался Ганелон.

— И именно это мне в тебе и нравится! — закончил свою речь дракон.

— А?...

— Да-да! Твоя жадность, твое честолюбие не имеет границ. Я прекрасно знаю таких, как ты!

— Это каких же, интересно было бы узнать?

— Тех, кто может жениться на девушке исключительно из-за ее богатства, не питая к ней никаких иных чувств...

— Ну, в общем-то, да. Я могу.

— Тех, кто ради лишней монетки не колеблясь может ограбить и убить человека...

— Ну, было пару раз! И что с того? — окончательно смутившись, признался Ганелон. — Мною руководило отчаяние — я очень хотел есть, а за душой, как назло, ни гроша. Вот я и...

— Тех, кто способен за щедрое вознаграждение отправить на смерть ни один десяток храбрых рыцарей, чьи поджаренные на медленном огне пальчики я считаю истинным деликатесом!

Ганелон в полном недоумении уставился на дракона.

— Что?...

— Ведь именно это ты для меня и сделаешь...

Глава четвертая,

которая никакого определенного названия не имеет, но зато имеет весьма определенный смысл и даже, в некотором роде, определенную мораль.

— Да-да! Это я вам точно говорю. Поезжайте прямо по этой тропе, никуда не сворачивайте, и вскоре увидите его логово. Мимо уж точно не проедите.

Хмурый, закованный в сверкающие латы рыцарь устремил на бродягу недоверчивый взгляд.

— Кого-то ты мне напоминаешь. Ты уверен, что мы с тобою раньше не встречались?

Бродяга в ответ лишь пожал плечами.

— Не знаю, может и встречались. Хотя лично я в этом сильно сомневаюсь.

— Ладно, не бери в голову, старик, а лучше пожелай-ка нам удачи.

— Что ж, удачи вам всем, милостивые господа. Уверен, она вам понадобится...

— Спасибо, старик, — рыцарь легким кивком головы поблагодарил странника и галопом направил своего коня вдоль тропы, что петляя и извиваясь, вела напрямик к драконьему логову, затерянному среди черных скал.

Остальной отряд, состоявший по подсчетам бродяги, из двух десятков таких же хмурых и угрюмых рыцарей, тут же последовал за своим предводителем. И лишь когда они окончательно скрылись из виду, старик позволил себе ухмыльнуться.

— Прощай, сэръ Галлант Отважный! — негромко рассмеялся он. — Надеюсь, больше мы не встретимся!

— Знаешь, Ганелон, у меня сложилось впечатление, что ты немного его недолюбливаешь, — обратилась к бродяге лошадь.

— Ага, — согласно кивнул тот, безуспешно пытаюсь отодрать от своего подбородка намертво приклеенную искусственную бороду. — Я его ненавижу. Ай! Проклятая борода! И весь этот маскарад я тоже ненавижу!

— Интересно, за что? — осмелилась полюбопытствовать кобыла.

— За то, что он обаятельный, красивый, сильный, да и еще к тому же невероятно смелый, — пояснил Ганелон, переключаясь с искусственной бороды на не менее искусственные усы. — Нет, ты только подумай, все девушки Королевства сходят по нему с ума. А почему? Чем я хуже него?

— Ну...

— Знаешь, — оборвав лошадь на полуслове, сказал рыцарь. — Это был чисто риторический вопрос. И я не хочу даже знать, каков будет ответ!

Ганелон неспешно направил лошадь по той же тропе, вдоль которой совсем недавно проехал отряд рыцарей.

— А ты ведь настоящий подлец! — неожиданно воскликнула лошадь. — Подумать только, отправить на верную смерть целый отряд рыцарей!

— Да, и это только начало, — согласился с ней Ганелон. — А можно подумать, ты что-то имеешь против!

— Я уже тебе говорила. Мне всегда хотелось узнать, каково это, носить сбрую из чистого золота.

— Ничего, скоро узнаешь, — поспешил успокоить лошадь Ганелон. — Скоро у нас денег будет больше, чем в сокровищнице у самого короля! До сих пор не верится, что это происходит со мной!

— Кстати, я позабыла, какие у нас расценки?

Нахмутив брови, Ганелон ненадолго задумался.

— Так, дай-ка подумать. За каждого простого рыцаря дракон пообещал нам по одному мешку с золотом, а за каждого знатного — по два мешка. Да. Точно. Так он и сказал.

— Может, купим тогда телегу, а? — предложила лошадь, произведя в уме несложные математические подсчеты. — А то, боюсь, моя спина просто не выдержит таких чрезмерных нагрузок.

— Конечно, купим, — пообещал Ганелон.

— А можно в придачу к тележке еще и парочку молодых жеребчиков, а? — неожиданно взмолилась кобыла. — Ну пожалуйста!

— А почему бы и нет? — мечтательно отозвался рыцарь. — И жеребчиков купим...

— Здорово! — воскликнула довольная таким вниманием лошадь. — А еще говорят, что жадность до добра не доводит! Врут они все! Врут!

— Конечно, врут, — согласился с ней Ганелон.

Вот так вот они и ехали, пуская слюнки в предвкушении ждущего их скорого богатства. День еще

только начал угасать, а на небосклоне уже зажигались одна за одной крохотные, мерцающие огоньки звезд. Сама земля, казалось, излучала спокойствие. Спокойствие и тишину. Но вдруг на тропу вынырнул чей-то темный силуэт — статный, широкоплечий всадник верхом на прекрасной скаковой лошади. Заметив Ганелона, он тут же двинулся к нему навстречу. И широкая мечтательная улыбка, прочно обосновавшаяся на лице Ганелона, мигом померкла.

— О! Добрый вечер! — улыбаясь во все свои пятнадцать зубов, произнес сэр Галлант. — Ужели это ты, Ганелон?

— Не может быть, — ошарашено прошептала лошадь, завидев живого и невредимого сэра Галланта. — Как же он спасся от дракона?

— Тише ты, — шикнул на неё Ганелон, и тут же, развернувшись к сэру Галланту, с деланным удивлением воскликнул:

— Галлант! Сколько лет сколько зим! Какими судьбами в этих диких краях?

— Действительно, что это я тут забыл? Наверное, тоже, что и ты, — в словах сэра Галланта чувствовалась откровенная усмешка, но глаза его все равно оставались необычайно серьезными. — Или ты станешь утверждать, будто и понятия не имеешь о том, что здесь творится?

— Отчего же! — с улыбкой, больше напоминающей звериный оскал, произнес Ганелон. — Недавно я прослышал от одного бродяги о драконе, который якобы обитает в этих горах. Вот и примчался сюда так быстро, как только смог. Хочу попытаться одолеть его. Не хочешь ли ты поехать вместе со мной? А все богатства мы разделили бы поровну.

— Боюсь, — широко улыбаясь, сказал сэр Галлант. — Ты малость опоздал, Ганелон. Я уже одолел это чудовище!

С этими словами сэра Галланта достал из-за плеч огромный матерчатый мешок и, развернув его, явил пораженному взору Ганелона отрубленную голову того самого дракона, с которым рыцарь совсем недавно заключил довольно-таки выгодную сделку.

Ганелон почувствовал, как слегка подкосились копыта его лошади. Впрочем, он и сам теперь чувствовал себя не лучше — у него внезапно закружилась голова, причем с такой силой, что он едва не вывалился из седла. — Что, удивлен, да? — ехидно поинтересовался сэра Галланта. — Если хочешь знать, то это было довольно легко. Хиленький попался дракончик! Тощий совсем. Большой — даже огня подпустить толком не смог. Давно, наверное, не ел, вот и ослаб.

Ганелон развернулся и, с трудом удерживаясь в седле, устремил в сторону Пограничных Гор полный несбывшихся надежд взгляд. Он так и знал. Нельзя было доверять этой чешуйчатой гадине — дракону! Ведь недаром же у него в родственниках ходят змеи и гадюки! Это же надо, наобещать с три короба, а потом взять да и помереть!

— Кстати, — услышал Ганелон у себя за спиной голос сэра Галланта, который, вероятно, проследил за направлением его взгляда и счел нужным предупредить. — Мои друзья все еще там, в пещере, охраняют бесчисленные драконьи сокровища от посягательств разбойников и людей, подобных тебе, друг мой. А я же отправляюсь сейчас прямоком ко двору прекрасной леди Ровены, дабы просить ее руки и сердца. И ты знаешь, я почему-то уверен, что она мне не откажет...

Содержание

Пушкарёва Ю.

ИСТОРИЯ СТАРОГО УЧЕБНИКА, <i>или Сказка о памяти</i>	6
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФЕИ НОЧИ, <i>или Сказка о судьбе</i>	8
ЧУДО-ШАРИК, <i>или Сказка о детстве</i>	21
ХУДОЖНИК И КИСТЬ, <i>или Сказка о творчестве</i>	24
БУКЕТ ДЛЯ ПРИНЦЕССЫ, <i>или Сказка о гордости</i>	30

Евдокимова М.

Кэти и Миттен	35
Ты, да я, да мы с тобой	42

Богайчук Д.

Огонь, что невозможно погасить 46

Прогулки под дождём 54

Свадебный подарок 59

Мальчишки и девчонки, а также их родители
По сказкам прогуляться вы вместе не хотите ли?
Принцесса и дракон, синица и семь фей,
А также много новых магических друзей
В волшебной стране Ирий вас ждут и не дождутся,
В большое приключение зовут вас окунуться.